

АРХИМАНДРИТ
СПИРИДОН (КИСЛЯКОВ)

Я ХОЧУ ПЛАМЕНИ

ЖИЗНЬ И МОЛИТВА

Он обращал всех в истинную веру, пока сама Жизнь не открыла ему путь. Когда о правде Божьей говорят лжецы, а чистоте и невинности учит грязь, возжелать огненного пламени Божьей любви и стать ее свидетелем перед миром.

Наследие архимандрита Спиридона (Кислякова)

Спиридон Кисляков

Я хочу пламени. Жизнь и молитва

«ЭКСМО»

2019

УДК 271.2
ББК 86.372

Кисляков С.

Я хочу пламени. Жизнь и молитва / С. Кисляков — «Эксмо»,
2019 — (Наследие архимандрита Спиридона (Кислякова))

ISBN 978-5-04-096371-3

Эта книга продолжает серию публикаций уникального рукописного наследия архимандрита Спиридона (Кислякова) (1875–1930 гг.), чудом сохранившегося и недавно заново обретенного, если и публиковавшегося ранее, то в сильно урезанном, чрезмерно адаптированном виде. Не подвергшийся цензуре, «живой» архимандрит Спиридон уже знаком читателю по пронзительной «Исповеди священника перед Церковью». Главной темой книги «Я хочу пламени» стали не ужасы войны, осознание страшной катастрофы, которую претерпело христианство в мире, и пороки церкви – трагические темы «Исповеди», – а духовный порыв к богообщению, обретению себя в единстве с Богом и принятии Божьей любви, порыв, которому отец Спиридон следовал всю свою жизнь. Идиллические мгновения «религиозной весны», детской жизни в созерцании природы. Крестьянские будни с их простым и суровым бытом. Взросление в чистой, естественной вере. И постепенное погружение в боль, страдание и горе отмеченного трагическим несовершенством мира... Пламя этой трагедии обрело бы и уничтожило мир, если бы не другое пламя, пламя, которому отдал свое сердце архимандрит Спиридон.

УДК 271.2
ББК 86.372

ISBN 978-5-04-096371-3

© Кисляков С., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

«Предрасположен к одному творчеству святости...»	7
§ 1. Из моего раннего детства	14
§ 2. [Беседа с дедушкой Яковом][11]	16
§ 3. [Мои религиозные состояния]	20
§ 4. [Великий пост в деревне]	23
§ 5. [Наши крестные ходы]	25
§ 6. [Деревенский труд]	28
§ 7. [Молитвы и думы о Боге]	31
§ 8. Пронский мужской монастырь	36
§ 9. На богомолье в Киев	39
§ 10. Из Киева в Одессу	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Архимандрит Спиридон (Кисляков)

Я хочу пламени. Жизнь и молитва

*...Я хочу огня, я хочу пламени, я хочу самой чистой огненной
сущности самой любви, какая она есть сама по себе, — вот что я хочу
иметь в себе самом и во что превратить себя самого для Тебя, Отец мой,
Бог мой!..*

О, сердце мое! Скорее превратись в одно огненное пламя...

В оформлении использована гравюра Н.С. Гончаровой «Ангел Апокалипсиса»

Оформление переплета Петра Петрова

«Предрасположен к одному творчеству святости...»

Предисловие составителя

Так получилось, что имя архимандрита Спиридона (Кислякова), в свое время хорошо памятное многим тысячам православных людей, едва не кануло в реку времени. Неутомимый миссионер, одаренный проповедник, вдохновенный пастырь, бескомпромиссный служитель Христовой правды, он на сломе исторических эпох российской жизни оказался одним из тех, кто наиболее рано и глубоко почувствовал их драматическую неизбежность. С болью и сокрушением он искал причины произошедшего страшного перелома и, вновь и вновь переосмысляя свой многолетний церковный опыт, приходил к убеждению, что в основе всех постигших Россию несчастий лежит трагический факт отпадения христиан от Христа.

Родившийся в 1875 году в селе Козинка Скопинского уезда Рязанской губернии, Георгий Степанович Кисляков вырос в той русской народной стихии, которая на рубеже веков дала России самые разные примеры религиозного вдохновения – от Григория Распутина, до прп. Силуана Афонского. Егорий, как звали его в семье, с ранних лет отличался необычайной приверженностью Богу. Его воспоминания самым ярким образом описывают его детские вдохновенные и самозабвенные молитвы, поиски Творца в окружающем мире, искренние устремления уразуметь «божественное». Ранние попытки убежать в Иерусалим, жизнь восьмилетним мальчиком в Пронском монастыре, пешее паломничество к киевским святыням... Уже в четырнадцать лет он попадает на Афон, остается там на послушании в русском Андреевском скиту, потом долгое время проводит на Афонском подворье в Константинополе. Возвращается в Россию, на Андреевское афонское подворье в Петербурге. По представлению петербургского митрополита Палладия (Раева) он отправляется на Алтай, в распоряжение Макария (Невского), епископа Томского, известного миссионера и просветителя язычников. Несколько лет юноша участвует в ежегодных крестных ходах, открывает в себе незаурядный проповеднический дар, вместе со священниками-миссионерами спорит о вере со старообрядцами и проповедует язычникам-бурятам...

Ко времени принятия в 1903 году монашеского пострига (и практически сразу же – священства) иеромонах Спиридон повидал очень многое в церковной жизни того времени, сам пережил и искушения, и восстания со дна падений. Сразу же после принятия сана он стал нести тюремное служение – проповедовать и беседовать с заключенными и каторжанами. Бездна человеческой боли, ужасного греха и невыносимого страдания открывалась ему в этих встречах. Необычайно одаренный чувством сопереживания, он «страдал со страждущими», входя в самую глубину людского горя. Неуживчивый, не склонный к компромиссам, стремящийся к правде Божией – он раз за разом входил в конфликты с теми, кто его окружал. Не давая спуска другим, споря и отстаивая правду, он в то же время неумолимо строг и к себе. Читатель еще поразится, как искренне он перечисляет как свои множество страшных грехов, совершенных каторжанами и поведенных ему в горьких исповедях – точно по словам Достоевского: «Всякий из нас пред всеми во всем виноват!»¹ Во время первой русской революции его близость к заключенным и симпатии к ним послужили поводом для его ареста во время подавления карательной экспедицией революционной Читинской республики. Вскоре после этого он вынужден уехать на другой конец империи, на украинскую Волынь, в ведение знакомого ему по Алтайской миссии епископа Амвросия (Гудко). И там он не терпит архиерейской неправды и переходит в другую епархию. Первую мировую иеромонах Спиридон встречает в Одессе. В

¹ Слова старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы».

первые же ее дни он говорит резкую проповедь против войны, против убийства христианами друг друга – и вскоре после этого отправляется полковым священником на фронт.

Именно на фронте, среди неимоверного страдания и горя, поражающих его своей бессмысленностью, он переживает откровение, переворачивающее его жизнь. Вид немецких самолетов с нарисованными крестами, несущих смерть мирным людям (они бомбили колонну беженцев), внезапно поражает мыслью: если животворящий Крест Христов несет смерть, то христианство в человеческой истории потерпело поражение. Там, где в ожесточении и ярости христиане убивают христиан, не может идти и речи о стремлении к Небесному Царю. Нет оправдания тем, кто призывает благословение Божие на этот ничем не оправданный ужас войны ради непонятных целей. Скоро грянет возмездие всем, кто причастен этому обману, – к таким людям о. Спиридон, конечно, относит и себя. Этот переворот вынуждает его в растерянности искать выхода, отчаянно пытаться понять: что в эти дни должен делать христианин и священник? А тем временем неумолимо истекает отпущенный Российской империи срок, и вот уже везде: в войсках, в тылу, в умах людей – рушатся еще недавно казавшиеся неколебимыми устои, и лава безумия, гнева и смерти течет от фронтов в Россию. Течет огромная людская масса – измученная, озлобленная, потерявшая всякое уважение к жизни, лихо распевающая «Яблочко» и сквозь прищуренные в ненависти глаза глядящая на «буржуев».

Один из тех, кто, по цветаевскому определению, наделен «безмерностью в мире мер»², о. Спиридон не может найти для себя никакого «умеренного», разумного варианта жизни и служения. Как жить по правде Христовой – тоже не знает. Неожиданно выход и новый путь открывает ему его новый знакомый, киевский профессорбогослов Василий Ильич Экземплярский. Отец Спиридон познакомился с ним незадолго до революции, и в смутные дни распада Экземплярский призывает его возглавить только что образованное в Киеве церковное братство Иисуса Сладчайшего. Для деятельного, бурлящего энергией о. Спиридона это оказывается местом обретения нового, подлинного, искреннего служения. Предметом его заботы и попечения становятся городские бедняки, нищие, пролетарии, разбегающиеся с фронтов солдаты. Неустанно и самоотверженно он служит, проповедует, беседует, организывает благотворительные столовые и кружки для просвещения бедняков. В кратчайшее время он становится героем и кумиром киевской бедноты, его обожают и упоенно слушают его призывы о возвращении христианской жизни ко Христу.

Пережитое им на фронте откровение он описывает в «Исповеди священника перед Церковью». Вначале он хочет послать Святейшему Синоду, но в итоге, по совету В. И. Экземплярского, посылает на Поместный Собор в Москву в конце 1917 года. Но «Исповедь...» не попадает членам Собора, и через год после его окончания о. Спиридон публикует ее отдельной книгой, добавляя свои воспоминания и описания страшного военного опыта. В том же 1919 году книга становится предметом разбирательства назначенной митр. Киевским Антонием (Храповицким) епархиальной комиссии, которая находит в ней множество «лжеучений» (вроде отрицания смертной казни или раскаяния в собственных военных проповедях). В итоге митр. Антоний налагает на о. Спиридона запрет, но Киев покидают войска белых, правящий архиерей покидает город, и о. Спиридон возвращается к служению. С просьбой о защите своего пастыря его прихожане обращаются в Москву, к патриарху Тихону. Характерны строки из их коллективного письма: «Пламенная вера настоятеля братства, его полная любви и преданности Христу проповедь быстро собрали тысячи людей... Множество тружеников шли к нему за религиозной, нравственной и материальной помощью, и никто не уходил без утешения, без поддержки, без помощи»³. Патриарх, хоть и с осторожностью («без права проповедования»), но разрешает его в служении.

² Из стихотворения М. Цветаевой «Что же мне делать, слепцу и пасынку...» (1923).

³ Проценко П. Г. К незакатному Свету: Анатолий Жураковский: пастырь, поэт, мученик, 1897–1937. М., 2017. С. 227.

Последующие годы были наполнены множеством скорбных трудов. Все сильнее и сильнее сжималась государственная удавка вокруг Церкви, все меньше и меньше оставалось возможностей для церковного строительства и духовного попечения. И все же вокруг братства и храма о. Спиридона до последних дней его жизни продолжали собираться люди. Он был в числе немногих киевских священников, кто не принял вышедшую в 1927 году «Декларацию» митр. Сергия (Страгородского), отказавшись разделять «радости и беды» нового безбожного государства. Но и будучи среди небольшого круга собратий, перешедших в подчинение митр. Ленинградскому Иосифу (Петровых), он не избежал ожесточения со стороны сослужителей. Упирая на вольности в богослужении, которые позволял себе о. Спиридон (по рассказам, благословение на них ему дал Святейший Патриарх Тихон), они написали письмо владыке Иосифу, в котором требовали его запрета в служении. До этого дело не дошло, но измученное сердце о. Спиридона не выдержало этой новых испытаний, и 11 сентября 1930 года он скончался. На его похороны пришли тысячи людей, образовав многокилометровую процессию. Проповедь на погребении говорил замечательный киевский пастырь, ученик и друг о. Спиридона, священник Анатолий Жураковский: «Он ушел, совершив что мог. Уходя, держал в руках знамя, на котором были начертаны заветы – истинное служение Христу и Церкви... Как никто не мог вырвать этого знамени из его рук, так и в наших руках оно будет твердо, непоколебимо до того мгновения, пока Господь не позовет из этого мира в Свой мир, на Свой суд». Сам о. Анатолий будет арестован через месяц после похорон и отправится в скорбный смертный безвозвратный путь через заключения и концлагеря. Один за другим будут уходить соратники о. Спиридона, его ученики и друзья, и постепенно, но неумолимо память о нем будет стираться волнами истории – уж слишком многими трагедиями будет наполнена после его ухода киевская земля. И казалось в какой-то момент, что еще немного, и последние следы исчезнут, и некому больше будет вспоминать то пылающее любовью ко Христу сердце.

* * *

Как ни удивительно, но интерес к наследию о. Спиридона в Европе возник едва ли не раньше, чем в России и Украине. «Воспоминания сибирского миссионера» в переводе Пьера Паскаля⁴ вышли в Париже в 1950 году. В 2010 году вышло дополненное французское издание (с включением в него «Исповеди священника перед Церковью»). Воспоминаний о. Спиридона из «Христианской мысли» в 1994 году изданы по-немецки, а в 2010 м – по-английски. Не так давно в Италии известным монастырем в Бозе была издана посвященная о. Спиридону монография Симоны Мерло⁵ – на данный момент это самая детальная работа о нем. На русском языке наиболее полные и точные сведения опубликованы Павлом Проценко в посвященных о. Спиридону главах биографии о. Анатолия Жураковского, а также в предисловии к недавнему – первому после столетнего перерыва! – переизданию «Исповеди священника перед Церковью»⁶. Остается надеяться, что начинающаяся ныне публикация трудов о. Спиридона привлечет внимание не только у читателей, но и у исследователей.

* * *

Что же именно представляет из себя творческое наследие пастыря-миссионера?

⁴ Пьер Паскаль (1890–1983) – французский филолог-славист, историк, переводчик, исследователь старообрядчества. Создатель школы славистов-русистов во Франции. Много лет прожил в Советской России.

⁵ Merlo, Simona. Una vita per gli ultimi: Le missioni dell'archimandrita Spiridon. Magnano: Qiqajon, 2009. 208 p.

⁶ См.: Проценко П. Г. Указ. соч. С. 205–236; Он же. Откровение любви во время мировой войны // Спиридон (Кисляков), архим. Исповедь священника перед Церковью. М., 2018. С. 7–25.

Его воспоминания «Из виденного и пережитого» публиковались в нескольких номерах в течение 1917 года в издававшемся Киевским религиозно-философским обществом журнале «Христианская мысль», редколлегию которого возглавлял проф. В. И. Экземплярский. Он же стал и редактором публикуемых текстов о. Спиридона. Эти не такие большие по объему воспоминания уже в наше время не единожды переиздавались⁷.

Его «Исповедь...», отправленная им на Поместный Собор в Москву, волей председателя Собора, митр. Московского Тихона (позднее – патриарха), не была представлена членам. Митрополит Тихон небезосновательно посчитал, что она вызовет непонимание и возмущение у делегатов. Эта «Исповедь», так и не нашедшая слушателей и читателей на Соборе, дополненная размышлениями о. Спиридона о своем жизненном пути и служении, была издана в 1919 году в послереволюционном Киеве отдельной книгой. Впечатление она произвела сильное и противоположное по оценкам. «Многие из прочитавших мою книгу – писал о. Спиридон, – осаждают меня своими письмами и вопросами, в которых одни всячески злословят меня за нее, а другие, наоборот, благодарят Бога за то, что “наконец-то раздался голос и со стороны представителей Церкви в защиту веками погранных заветов Христа”, а иные просто обвиняют меня в том, что я в своей исповеди якобы настолько отделил Христа от Церкви, что всякий, прочитавший мою книгу, невольно чувствует в себе впечатление такого рода: Христос или Церковь?»⁸ В качестве ответа на все недоумения в 1920 году о. Спиридон публикует размышление «Царь христианский», в котором несколько театрализованно представляет свои мысли о подлинном Царстве христиан и об их Царе в виде диалогов между учителем-проповедником и несколькими внимающими ему учениками. Эта небольшая книга оказалась последним произведением о. Спиридона, опубликованным при его жизни. Наступало время, когда печатать книги о Христе становилось невозможно. Но это нисколько не остудило его творческий жар.

Как мы помним, первые мемуарные заметки о. Спиридона стал записывать по совету В. И. Экземплярского. Совет наставника и друга пришелся о. Спиридону по вкусу – с той же неукротимой энергией, которая наполняла все стороны его жизни, он принялся писать. По разным сведениям, речь может идти о нескольких крупных, на сотни страниц, рукописях: «Дневник» и «Воспоминания» (обе созданы около 1925 года), «Размышления над Евангелием», «Психологические типы». Судьба этих рукописей драматична. Основная их часть (если не все) в течение советских лет хранились у духовной дочери о. Спиридона Софии Лукиничны Лукьяновой. Она была вдовой расстрелянного в 1937 году священника-иосифлянина Евгения Лукьянова, также духовного сына о. Спиридона. После войны она пекла просфоры в Макарьевском храме, была настоящей праведницей, по отзывам знавших ее. Будучи человеком строгой церковности, при всей любви к своему пастырю она очень настороженно относилась к его наследию и крайне неохотно знакомила с ним кого-то еще. Тем не менее коекто из киевских «собираелей древностей» имел возможность просмотреть рукописи в начале 1980х годов. После визита одного из таких собирателей все рукописи о. Спиридона из дома Софии Лукиничны полностью исчезли, и все попытки убедить присвоившего их человека вернуть всё владельцу оказались бесплодны⁹. Уже после распада СССР информация об этих рукописях стала регулярно всплывать в издательских кругах Киева. Увы, но бумаги о. Спиридона, вдохновенного обличителя любых форм материального стяжания, в какой-то момент стали предметом откровенного торга, переходя из рук в руки. В итоге издательство «Камо грядеши» все-таки стало готовить к публикации в Киеве две большие рукописи о. Спиридона, «Дневник» и «Воспоминания», но это стало невозможно после событий конца 2013 – начала 2014 года. На сегодня эти тексты

⁷ Христианская мысль. 1917. № 2–10. Из современных нам републикаций см., к примеру: *Спиридон (Кисляков), архим. Из виденного и пережитого: воспоминания проповедника-миссионера*. М.: Новоспасский монастырь, 2008.

⁸ *Спиридон (Кисляков), архим. Царь христианский*. Киев, 1920. С. 4.

⁹ Более подробно эта история изложена в книге Павла Проценко «К незаткному Свету» (см. с. 233–234, 710–712).

получило возможность опубликовать издательство ЭКСМО. Именно из фрагментов этих двух произведений и составлено наше издание. Остальные тексты о. Спиридона или в существенной части утрачены (так, сообщают, что значительная часть «Психологических типов» была сожжена еще в советское время при угрозе обыска), или пока остаются на руках у хранителей, предпочитающих не заявлять о себе.

* * *

Почему же возникла идея начать знакомство читателя с не публиковавшимися доселе текстами о. Спиридона именно таким образом – путем составления сборника из двух его произведений?

Тексты о. Спиридона в полном объеме весьма велики – оба произведения совокупно составляют порядка тысячи страниц. Далеко не каждый читатель – особенно из того абсолютного большинства, кто мало слышит об авторе, – готов будет посвятить время чтению книг такого объема. Позже оба эти текста, более тщательно подготовленные, будут изданы полностью. Наша же книга предназначена в первую очередь тем, кого – особенно после публикации «Исповеди священника перед Церковью» – живо заинтересовала судьба и наследие харизматичного архимандрита.

«Воспоминания» о. Спиридона охватывают его жизнь с рождения до 1917 года, до отправки им «Исповеди...» на Поместный Собор в Москву. Завершаются они сообщением о полученном им благословении Патриарха Тихона «трудиться на благо Церкви Христовой». Некоторые сюжеты «Воспоминаний» уже появлялись в «Исповеди...», а также в текстах «Из виденного и пережитого», но здесь они представлены гораздо детальнее и со многими дополнительными линиями и сюжетными ответвлениями.

Отец Спиридон – внимательный наблюдатель и может быть вдохновенным увлекательным рассказчиком. В этих воспоминаниях много сочных и живых деталей религиозной жизни крестьянской России, афонского монашеского быта рубежа веков, российского миссионерства, старообрядческого мира, жизни сибирских каторжан, леденящих ужасов Первой мировой... Это ценные для любого историка и интересные широкому читателю срез жизни той эпохи. Но ни в один момент автор не позволяет читателю отвлечься на исторический сюжет от самого себя, забыть об авторе и его драматических, неумных, часто дерзких переживаниях – ни капли беспристрастности и взвешенности здесь вы не увидите. Каждая история, каждый момент – это рассказ не просто о какой-то реальности, но всегда и прежде всего – о драматичном столкновении автора с ней. От энергичного и вопрошающего духа о. Спиридона, его саркастических или горьких замечаний читатель не отдохнет ни разу, как бы ему ни хотелось отодвинуть немного в сторону беспокойного рассказчика и побольше узнать о том, что он видел. Отец Спиридон – не объективный автор, он всегда говорит о себе, о впечатлениях, увиденных своими глазами и пропущенных сквозь свое сердце. Это потрясающе личное свидетельство, рассказ не о «временах и нравах», но о постоянной и донкихотской по сути войне, которую ведет с ними о. Спиридон.

Структура воспоминаний, хоть автор и стремится к упорядоченности, тоже далека от стройного течения слов и событий. Они разделены на параграфы (то озаглавленные автором, то нет¹⁰), совершенно неравномерные по объему. То это мелкие, дробные тексты на полстраницы, то огромный раздел (один § 113, «Нерчинская каторга», составляет 40 % всего текста). Внимание автора воспоминаний то надолго замирает на каких-то событиях, целиком воспроизводя одну за другой произнесенные им проповеди и проведенные беседы, то стремительно проносится сквозь года почти без всяких остановок. Очевидно, что этих текстов не касалась

¹⁰ В нашем издании недостающие заголовки добавлены составителем и отмечены квадратными скобками.

упорядочивающей руки редактора (как в случае с публикацией в «Христианской мысли»), и они сохранили всю изначальную, подчас сырую, первозданность композиции и языка. Отбирать из них фрагменты для сборника было непростой задачей. При всех длиннотах текста в нем нет ничего незначительного – того, без чего можно легко обойтись. Тем не менее для более внятного знакомства читателя с «линией жизни» о. Спиридона мы решили останавливаться на основных, узловых моментах его духовной истории, главное внимание в подборке стараясь уделить моментам его духовного становления и выбора. За пределами сборника остались многочисленные боковые сюжеты, яркие впечатления автора о пребывании в Константинополе, его путешествии в Святую Землю и обратно, подробные рассказы о встречах и беседах на Нерчинской каторге.

Предупреждая вопросы читателей, скажем сразу, что мы не ставили перед собой цензурской задачи, не руководствовались намерением последовательно опускать что-то особенно «острое» и «сомнительное». Провокационных и горьких слов и сюжетов у о. Спиридона достаточно, но они в равной степени присутствуют и в отобранных текстах, и в тех, которые ждут полной публикации. Лишать его насильственной редактурой выстраданного права говорить своим голосом было бы слишком несправедливым к его памяти, – особенно с учетом тех злоключений, которые достались его рукописям.

В нашем сборнике последовательно расположенные фрагменты «Воспоминаний» перемежаются отрывками из «Дневника» о. Спиридона. Практически начисто лишенный бытовых подробностей и описаний, этот дневник представляет собой хронику (естественно, привязанную к датам церковного календаря) молитв и размышлений одного года его жизни (вероятнее всего, 1925 или 1926го – он мельком упоминает в тексте о своем пятидесятилетнем возрасте). Завершается дневник подробным описанием многодневного грандиозного видения откровения о конце света и Втором Пришествии, которое посещало о. Спиридона на протяжении нескольких недель. Это видение своим масштабом вызывает в памяти апокалиптические картины откровений средневековых визионеров, производя неизгладимое впечатление. В дневниковых молитвах о. Спиридона просыпается, казалось бы, давно покинувшая размеренное христианство древняя пламенная сила, испепеляющая страсть к Богу, мучительное стремление быть с Ним, раствориться в Его любви – и, как говорит сам о. Спиридон, «стать самой любовью к нему». Это стремление сердца освещает – нет, мучительно опалает! – всю жизнь, все бытие о. Спиридона, вновь и вновь заставляя его повторять: «Хочу стать самой любовью к Тебе, Господь!»

Включение выдержек из этих молитвословий в повествовательную ткань «Воспоминаний» должно послужить иллюстрацией того почти постоянного экстатического «выхода из себя», в котором о. Спиридон пребывал, по его собственным признаниям, едва ли не с детства. В тексте воспоминаний читатель увидит множество свидетельств такого состояния, и, с нашей точки зрения, вполне оправдано с помощью этих вставных отрывков дать читателю почувствовать атмосферу непрекращающейся, напряженной, требовательной и вдохновенной его беседы с Богом. Эта смена ракурсов, сочетание отрывков, погружающих нас «внутри» самоощущения героя, с хронологическим мемуарным повествованием, должно послужить созданию целостной картины жизни автора, как «внешней», событийной, так и «внутренней», духовной.

Не ставя при публикации объемных научных задач, мы позволили себе ограничиться минимальными поясняющими комментариями (большей частью – биографическими справками) и – в очень редких случаях – вставкой отдельных необходимых по смыслу слов (выделяемых квадратными скобками).

Вручая этот сборник читателю, мы надеемся, что он станет подлинной встречей с незаурядной личностью о. Спиридона, встречей впечатляюще яркой и честной. Эта встреча, несомненно, относится к числу тех, которые невозможно забыть.

Е. Агафонов

§ 1. Из моего раннего детства

Помню, как в один из дней моей отроческой жизни моя возлюбленная мама однажды шла со мною к своим родителям, которые в нашей Козинке жили от нашего дома далеко, на другом конце нашего большого села. И, ведя меня за руку, она говорила:

– Дитя мое, тяжело мне! Сердце мое обливается кровью (сама плачет), когда я подумаю: неужели ты, мой сынок, будешь точно таким же, как твой отец? О, лучше тогда мне видеть тебя мертвым во гробе, чем чтобы глаза мои смотрели на тебя такого. Ты сегодня слышал, как он ругал меня? Ты видел в это время его страшное, искаженное и черное лицо? Это все злоба его таким делает. О, злоба, злоба людская, злоба сатанинская! Ты весь мир обезобразила собою. Милый мой сынушка, хотя ты у меня еще маленький, еще тебе только три годочка, четвертый пошел, а я тебе, мое дитя, скажу: не ругайся! О, никогда не ругайся никаким дурным словом! Никогда ты, моя радость, и не сердись ни на кого, не бери ты ничего чужого, с голода умри, но куска хлеба без спроса не бери ни у кого. Это все грех, и Бог за это накажет тебя. Еще, мой сын, умоляю и прошу тебя — никогда не кури табак, это также большой грех. Вот смотри на эти березки, мимо которых мы с тобой сейчас проходим. Какие же они беленькие, чистые да зелененькие, это они таковые только потому, что они никогда не ругаются, не сердятся, не воруют и не курят. Только от этого они таковые и есть. А вот слышишь? как птички поют?

– Слышу, — ответил я.

– Ах, сын мой, если здесь на земле есть красивые белые березки, если здесь хорошо поют птички, то, милый мой Егорушка, что же у Бога на небе-то есть? Там, мой мальчик, так хорошо, там так поют Ангелы Божии, что даже и говорить-то об этом невозможно! Нет слов об этом говорить: так там хорошо. Сынок мой! Ты у меня хоть и худенький мальчик, но ты не по своим годам смысленый. Скажу тебе, — когда я забеременела тобою, — я день и ночь молилась Богу и просила, чтобы Он, Всеблагостный, дал мне мальчика, и дал мне такого, который в своей жизни исполнял бы только одну волю Христову. И вот ты родился у меня. Когда ты родился, я думала, что я не вынесу, я умру от радости. Я поняла, что Бог услышал мою молитву, дал мне сына, и я поверила, что Бог внял моим молитвам. Радости моей не было границ, отчего я весь день беспрестанно целовала тебя, мою милую крошку, и своими горячими материнскими слезами смачивала твое нежное детское личико. Теперь у меня только одна радость — это ты, мое милое дитя. Что-то из тебя будет, думаю я. А вдруг ты, мой сынок, будешь расти, и когда будешь взрослым, то точь-в-точь окажешься таким, как твой отец? Тогда-то что? Буду ли я тогда жива? О, сынушка мой, если ты будешь таким, то умри сейчас, сейчас же умри!

– Мама, — говорю я ей, — я буду точно таким, каким был Ориген!

– Какой Ориген? Я не знаю, сын мой, о ком ты говоришь?

Я не ответил ей ни слова. Мама снова сильно заплакала и, взяв меня на руки, сказала:

– Сын мой! Я хочу, чтобы ты весь принадлежал Господу Иисусу Христу. Ты знаешь, год тебе только был тогда, ты сильно болел у меня. Я же, трое суток не отходя от твоей кровати, стояла и пламенно молилась Господу, чтобы ты выздоровел. И вот я увидела, что ты не поправляешься здоровьем, понесла тебя в церковь причастить. Во время Литургии со мной сделалось исступление. Я увидела, как какая-то иностранная женщина, одетая в длинное платье, лицо ее полужакрытое черной вуалью, вышла из алтаря, подошла ко мне, взяла тебя у меня и опять пошла с тобой в алтарь и там начала тебя кормить манной, а потом затворила все двери алтаря и осталась с тобой там. Когда я пришла в себя, то увидела, что ты у меня на руках; я возрадовалась очень, что ты со мной. О, сын мой, я ничего не хочу, как одного, чтобы ты всю жизнь свою служил Господу!

Вспоминая теперь все когда-либо, особенно в раннем моем детстве, сказанные моей возлюбленной матерью золотые слова, я до глубины души благоговею перед ними и от избытка сердечной моей любви приношу блаженную благодарность Богу.

О, Творец мой! Ты Бог мой, но Бог непостижимый, неисследимый, вне всякого имени, всесущий Бог!

Ты Творец мой, но Творец невообразимый, безграничный, неизглаголаный, Ты единый Святой из святых, но Святой бесконечно выше и превосходнее всякой святости. Ты одна всесовершеннейшая всеблагодать, но всеблагодать бесконечно благодестнее всякой благодати. Ты одна божеская любовь, но такая любовь, которая бесконечно превосходит всякую любовь!

О, Боже! Как же я благодарен Тебе за то, что Ты создал меня человеком, могущим через человеколюбие Твое всегда мыслить о Тебе, тяготеть к Тебе и иметь в себе печать сознания о Тебе! Что было бы со мною, если бы Ты Свой образ не запечатлел во мне, если бы не вложил в меня от чрева матери моей познание о Тебе? Я был бы подобно животным, не ведущим Тебя, но теперь я, как человек, я весь одарен Тобою ведением о Тебе; а посему я всем своим существом тяготею к Тебе, благословляю Тебя, поклоняюсь Тебе и, как беспомощное, новорожденное дитя, только одним криком души моей взываю к Тебе:

«Бог мой, никогда не оставляй меня! Отец мой, будь всегда со мною! Мать моя! Всегда питай меня Собою, Создатель мой, не презирай меня! Творец мой, проникнись Своею любовью в меня. Царь мой! Не лишай меня твоего Царства. Владыка мой! Властвуй надо мною и во мне. Господь мой! Сделай меня безграничным океаном сущей огненной любви к Тебе. Милостивый Пастырь! Питай меня всегда Твоею святейшею волею. Богоотец мой! Сделай меня сыном Твоим. Бог славы! Я всем своим существом стремлюсь через свою преданность Тебе всегда вечно и бесконечно славить Тебя. Бог откровения! Открой Себя во мне всему моему существу, чтобы я всегда бесконечно и непрестанно прославлял Тебя».

§ 2. [Беседа с дедушкой Яковом]¹¹

Однажды моя мама повела меня к Меркулову, дедушке Якову, у которого собирались благочестивые странники и странницы и по вечерам занимались чтением житий святых, всякого рода душеполезных книг, пели псалмы и другие церковные песнопения. Меня же они учили произносить молитву «Отче наш». Я помню, как я слово за словом произносил эту молитву, но произносил ее нечисто, картавил. Через неделю после этого я уже свободно мог ее читать. Помню, как я радовался тому, что я уже наизусть знал эту молитву Господню, понимать же ее я не мог еще. В один из ближайших дней после этого я спросил ее:

– Мама, почему дедушка Яков называет эту молитву «Отче наш» — Господней?

Мама тотчас взяла меня за руку и в тот же самый вечер повела меня к тому же самому дедушке Иакову.

Вхожу в его избу и вижу много мужчин и женщин; все сидят и за столом, и на лавках, и все слушают слово Божие. За столом же читал какую-то книгу седовласый и длиннобородый старец-странник. Слушал и я его. Из его чтения я только запомнил: «Христос есть наш Бог, в Нем наша жизнь». После же чтения вдруг все запели. Не помню, что они пели, но когда вслед за этим они запели «Отче наш», о, тогда мне было сразу понятно, что они поют, и мне было очень радостно. Кончили петь. Мама тогда подвела меня к этому благообразному старцу и сказала ему:

– Это мой сынок, он вот хочет знать самый смысл «Отче наш».

Тогда старец открыл свои уста и начал мне говорить так:

– Тебя как зовут?

– Георгий, — ответил я.

Старец:

– Так вот, мой милый мальчик, «Отче наш» — это значит Отец наш. И вот, когда ты читаешь эту молитву Христову, то ты самого Бога называешь своим отцом. Он отец всех людей. Не было бы людей, если бы Бог не был их отцом, если бы Он не сотворил их. Знаешь, мое дитя, тебя еще не было, а Он только подумал о тебе, что, мол, надо, чтобы маленький Георгий появился на земле, и вот от одной Его мысли ты появился. Но как ты чудесно появился! Ты первый раз появился в животе твоей матери, где Сам Бог сделал твою головку, образовал грудь, живот, спинку, ручки, ножки твои, и когда все это сделал, тогда вот ты появился на землю. Понимаешь, мой мальчик, что всего тебя только один Бог сделал, потому он и называется твоим Отцом и Отцом всех, потому что и все люди сделаны только одним Им. Мало того, мое дитя, что Бог Отец сделал всех, но вот и день, и ночь, которые ты видишь, — это Он создал. Солнышко, месяц, звезды, облака, тучи, гром, молнию, дождь, снег, холод, тепло — все это Он сделал. Всех лошадок, коровок, овец, свинок, собачек, кошечек, птичек, бабочек, мошек — все это Он сделал, и потому я тебе говорю, что Он Отец всех и всего.

Слушая это, я чувствовал, как слезы подкатывались к моему горлу, мне хотелось плакать от изумления перед всемогуществом Божиим. Тут я сразу понял, что значит «Отче наш». Странник же, продолжая говорить, перешел к слову «небо» в этой молитве, он коснулся святости имени Отца Небесного. Здесь, насколько я помню, он говорил так:

– Нужно святить имя Божие. «Да святится имя Твое» — это значит — надо так жить хорошо, и чисто, и богоугодно, чтобы отнюдь не делать никакого зла, чтобы не ругаться, никогда ни на кого чтобы не сердиться, чтобы не лгать, не обманывать, не брать ничего чужого, чтобы всегда ходить в Церковь Божию, часто молиться Богу, любить не только папу и маму, но

¹¹ Здесь и далее квадратными скобками отмечены вставленные составителем названия глав и отдельные требуемые по смыслу слова.

и тех, кто тебя даже не любит, кто тебя обижает. Вот если ты так будешь жить, то имя Божие от твоей такой хорошей и доброй жизни будет святиться и славиться. Теперь ты послушай меня о том, что в этой же самой молитве нам говорится о том, чтобы как можно скорее Царство Божие было на земле. Тебе это непонятно теперь, но я постараюсь тебе объяснить так: в вашей семье кто хозяин? — спросил меня странник.

— Дедушка Иван, — ответил я.

— Так, — сказал старец, — а ты знаешь, кто у вас в селе староста?

— Знаю, — ответил я, — староста у нас Колуцкий (все улыбнулись).

— Вот этот-то Колуцкий, он хозяин над всем селом вашим.

Я с большим вниманием слушаю его.

— Теперь скажу тебе, мальчик, что кроме вашего села есть еще села, т. н. Березняки, Ильинское, Гремячки и другие. А там еще города. И вот над всеми таковыми селами и городами один хозяин — это царь. Ты знаешь, как его зовут? — спросил меня странник.

— Нет, не знаю, — ответил я.

Мама подсказывает мне:

— Александр Александрович.

Старец:

— Так вот этот-то царь тоже есть хозяин над всем своим царством, над всей Россией. Бог же есть единственный хозяин над всей землей и над всем небом. Так вот, в этой молитве «Отче наш» говорится о том, чтобы все люди, все животные, все звери, и все птицы, и все бабочки, и все деревья, и самые день и ночь, и солнце, и вся земля, и все звезды, и все облака, и дождь, и снег, и тепло, и холод — все было такое хозяйство Божие, такая общая семья, чтобы во всем этом хозяйстве хозяином был только один Бог и никто другой, и чтобы в этом хозяйстве никакого греха и никакого зла не было, чтобы и самой смерти в нем не было и чтобы одна только была воля Божия, чтобы Сам Бог всеми распоряжался и всеми повелевал, и чтобы все и всё Его одного слушали. Понимаешь, мой мальчик? — спросил меня старец.

— Понимаю, — ответил я.

— Ты не устал меня слушать? — снова спросил меня странник.

Я промолчал. Тогда для перерыва все запели «Иисусе прелюбезный», потом «Достойно» афонское, затем «Помышляю день Страшный» и затем «Отче наш» — какое-то партесное, нежное. Я, слушая их пение, чувствовал, как слезы катились из моих очей, а внутри у меня было жарко. Кончили петь. Старец опять начал объяснять мне то же самое [про] «Отче наш».

— Так вот, дитя Божие, в этой молитве говорится о том, чтобы Бог Отец давал нам на каждый день хлебушка. Да, мой дружок, тебе дают хлебушка и молока, и кашу мама и папа, но им-то дает Сам Бог. Он, Батюшка, создал и рожь, и пшеницу, и овес, и просо, и гречиху, и картофель, и все, что мы едим и что называется нашим обедом и ужином. Говорю тебе, мой Жорж, — Он один всё это создал, и создал из ничего. Затем, дитя мое, в этой молитве говорится еще и о том, чтобы мы никогда ни на кого не сердились и не гневались, а всем все прощали и это делали только ради Господа. Вот если тебя кто обругает, или побьет, или возьмет у тебя что-нибудь, — ты на него не сердись и не злись, а скажи сам себе так: «Я ради Господа своим врагам все прощаю». Если ты будешь им все свои обиды прощать, тогда Господь будет любить тебя и прощать все твои грехи. А дальше в этой молитве Христос учит всех, чтобы мы все Ему всегда молились, и день и ночь просили Его, чтобы Он охранял нас от всякого зла, от всякого греха. Вот и все, мое дорогое дитя.

После сих слов странник поцеловал меня и сказал:

— Дети — воск, из них можно все лепить, особенно этот воск является мягким и нежным тогда, когда он еще находится в чреве матери своей, — (мама плачет), — великое, о, какое великое дело — христианское материнство! Все, что во время чревоношения думает и чувствует мать — все это передается в качестве живого материала, из которого и создается за все

эти девять месяцев характер ребенка. Блаженна та мать, которая все время своего чревоношения предается пламенной молитве и чтению Евангелия! От таковой матери все дети будут Христовыми пророками. Пелагея! — быстро вскинув свои очи на мою маму, проговорил старец. — Молилась ли ты Господу Богу во время своего чревоношения этим мальчиком, чтобы Он, Всемогуший, сделал его Своим рабом?

— Молилась, горячо молилась Ему, все время молилась, — ответила моя мама, — чтобы сей мальчик мой целиком принадлежал Христу, чтобы он всю свою жизнь был верным Ему (сама опять плачет). Но вот моя скорбь, о, тяжелая скорбь: я боюсь, что в нем много может быть отцовского. Отец его не знал ни праздников Божиих, ни тем более самой моей беременности, — я понесла его приблизительно на исходе июля, так около двадцатого или двадцать первого числа сего месяца. Мой муж презирал мою беременность... просила, умоляла его... все нипочем... Вот чего я боюсь. Я думаю, что такое отношение к самой моей беременности послужило вредно для моего мальчика, для его характера и всей его будущей жизни.

Старец молчал, молчали и все.

После некоторого молчания сам дедушка Яков вздохнул и сказал:

— Да, сплошь и рядом мы, родители, с самого момента зачатия наших детей бессознательно делаемся детоубийцами!

— Да, Яков Петрович, это правда, — промолвил странник.

После сих слов всем и даже мне предложен был чай. После сего еще несколько пропели церковных песнопений, и я с мамой вернулся домой. Сна у меня не было. В моей детской головке сильно роились образы, которые в моем воображении то возникали, то исчезали, и в таком возбужденном состоянии я уснул. Проснулся поздно. Мама сидела у моего изголовья и чутко смотрела на меня.

— Мама, — проговорил я, — когда мы опять с тобой пойдем к дедушке Якову?

Мама вдруг бросилась целовать меня, и, вся покрасневшись, она плакала и говорила:

— Милое ненаглядное дитя мое! Любовь моя, свет мой, люби ты Господа Бога своего, с детства своего всегда молись Ему и будь Ему верным рабом! Сынушко мой, одного я хочу, чтобы ты был святым Христовым, верным Его слугой.

Может быть, она долго целовала бы меня и орошала бы мое детское личико своими материнскими слезами, если бы в это время не послышался женский голос:

— Поля, ай Поля! Иди завтракать!

Это бабушка звала мою маму.

О, боже Триипостасный! Я весь стремлюсь к Тебе: моя душа пламенно жаждет Тебя, я весь стораю нестерпимой любовью к Тебе, Ты мой Бог! О, как сладостно и благостно любить Тебя, моего Творца и Бога! Господи Боже мой, всякий раз, когда я пламенею моею сладкою любовью к тебе, тогда я, о Владыка мой Царь и Господь, весь переполняюсь невообразимо нежною умиленною радостью о Тебе, тогда вся моя душа превращается в многострунную небесную сладкозвучную арфу, порождающую собой чудную гармонию всесладостной духовной благодатной игры божественных нежных гимнов, тогда вся моя внутренность бывает объята теплым животворным дыханием Твоего всесвятого Духа, тогда мое трепетное сердце делается всеобъемлющим радостным вместилищем Тебя, моего всесладостного Бога, и всего Твоего творения, тогда мой ум просветляется во мне, как солнце, тогда моя воля смиряется пред Тобою до самых низин бездны моего ничтожества, тогда все мои стремления, все чувства, все мысли превращаются во мне в одну чистую, приятнейшую и мирную кротость и покорное смирение, тогда, наконец, я делаюсь каким-то другим существом, причастным Самому моему

Господу Христу. Все это переживается мною во всем моем существе, когда я весь пламенею моею любовью к Тебе, о Бог мой! Ты сущая сладость души моей, ты неизреченная радость сердца моего, Ты жизнь моя. О, как бы я хотел вечно и бесконечно тяготеть к Тебе и пламенно любить Тебя, Царь и Господь мой! О Тебе всегда радуется весь мир; о Тебе веселится и ликует весь космический солнечный свет, о Тебе радуюсь, веселюсь и ликую я, Твое ничтожнейшее создание!

Триипостасный мой Бог! Ты Создатель мой, Ты жизнь моя, Ты святость моя, Ты любовь моя, дыхание мое, премудрость моя, красота моя, вечность моя, бесконечность души моей, утешение мое, свобода моя, всеутоляющее жите¹² мое, всеживительная пища моя, всемогущая сила моя, сокровище мое, Бог мой!

¹² Т. е. жито.

§ 3. [Мои религиозные состояния]

Не могу умолчать и о том душевном моем состоянии, которое я переживал в самом моем раннем детстве. Состояние это, по крайней мере для меня лично, очень интересно. Все мое отрочество, насколько я его помню, прошло под сильным, опьяняющим все мое существо, религиозным полуэкстазом. С самого первичного и раннего момента моего воспоминания, насколько я сейчас представляю его себе, — как внутреннее все мое душевное состояние, так и вся окружающая меня среда со всеми ее мелочами, — переживались мною в каком-то религиозном, радостном, одухотворенном настроении. Но этого мало. Мне сдается, что в то время весь мир представлялся мне каким-то, я бы сказал, боговдохновенным. Теперь вспоминая свое отрочество, я беспристрастно спрашиваю себя самого: не был ли я врожденным пантеистом? И вот на этот столь для меня лично интересный вопрос я решительно отвечаю отрицательно. Пантеистом я не был, но думаю, что в то время я был каким-то христианским мистиком, таким мистиком, которому Бог и все Его творение открывались в самом восторженном, всерадостном, всеблагодатном, взаимном объятии между собою.

Такое переживание я чувствовал в себе самом тогда, когда мне приходилось непосредственно встречаться с природой: с лесом, горами, долинами, степями, реками, дикими животными, царством пернатых, насекомыми, полевыми злаками, цветами, вообще с растительным миром в весеннее и летнее время еще тогда, когда в праздничные дни одеваешься в белую, чистую льняную рубашку и белые портки и обуваясь в белые портянки или онучи и одеваешь на ноги новые лапти. И в это время слышишь гул большого колокола: бум, бум, бум — и видишь, как со всех сторон села идут и мужчины, и женщины, и дети. В это время чувствуешь себя прямо-таки находящимся на небе. Так сильно действовала на меня и вся церковная обстановка; но скажу правду — она все же не могла по своей силе равняться в своем действии на меня с одним торжественным праздничным гулом колокола, не говоря уже о действии самой природы на меня.

Этот период я бы назвал чистым религиозным периодом в моей жизни. Мне кажется — ни в один из периодов всей моей жизни мое сердце никогда не было так близко к Богу, как именно вот в этот мой ранний детский период. В это время, — я смело скажу о себе, — я был в Боге и Бог был во мне! О, сколько в это время я пролил своих детских слез при одной мысли о моем Боге! Сколько я пережил тогда светлых и чистых дум о Христе моем! Бывало, увижу ли я птичье гнездышко с яичками или тем более с птенчиками, я тотчас переполняюсь каким-то радостным, восторженным чувством умиления и моментально опьяняюсь какой-то истайивающей сладостной радостью в себе самом, и в это время я до самозабвения приходил в исступление! В такое же самое экстатическое состояние меня приводили: и только что появившаяся молодая трава на освободившейся из-под снега земле, цветы в садах, пение птиц, журчание потоков, весенний полет голубей, воркование горлиц, щелканье соловьев, пение жаворонков и т. д. Но вот что вместе с тем меня удивляет — что во мне лично очень рано появилось чувство различия полов, и к противоположному себе полу я, наверно, в самом начале уже третьего моего года, чувствовал и какой-то внутренний неосмысленный стыд, тупую застенчивость и смутное влечение в противоположном мне поле знать добро и зло, но знать пока только одними глазами... Такое чувство было во мне распространено на весь мне чужой пол даже и всех живых существ. <...>

Однако при всем таком чувстве я, насколько сейчас вспоминаю, переживал в себе иногда и такое время, когда при самых для меня соблазнительных живых, развертывающихся картинах я настолько был долгое время поглощен внутреннею в себе религиозностью, что при виде этих же самых соблазнительных картин я совершенно ничего в себе не чувствовал. Помню, однажды играя с детьми, своими товарищами, я выступил среди них в качестве проповедника,

говорил им о Боге, об ангелах. Они все слушали меня с большим вниманием и за это тотчас пошли в чужой огород, нарвали молодой моркови, репы и принесли мне в дар за слово. <...>

В очень раннем своем возрасте я почувствовал в себе и чувство тщеславия. Однажды как-то я сильно молился, отчего на лбу у себя набил красные знаки, а может быть и синяки. И вот я хорошо помню, что за эти знаки меня мама будет бить, но если я ей скажу, что они образовались у меня от молитвы, она меня за это похвалит. Долго я думал: сказать ли маме об этом или нет? И вот здесь произошла во мне страшная борьба. На чем же она разрешилась? Да разрешилась она тем же самым тщеславием, только с другой стороны! Матери-то я не сказал, отчего эти неприятные знаки сделались у меня на челе, а когда она меня хорошо побила за них, как за следствие драки с кем-нибудь из моих юных товарищей, как думала она, тогда я в себе почувствовал какое-то ложное самоудовольствие, что вот, мол, — потерпел побои за молитву! И в это время мне было не больше как четыре года!

На пятом году моей жизни я чем-то очень сильно болел. Во время самой болезни я слышал рыдание моей матери. Мама все время плакала и молила Господа Бога, чтобы я поправился здоровьем. Во время молитвы она часто говорила: «Господи, если Ты его поднимешь, то я отдам его Тебе». Я в это время думал — куда же она меня отдаст и как она меня отдаст Богу? Когда же я выздоровел, тогда мама мне сказала, что она меня отдаст в монастырь. С этого дня, как я думаю, мои товарищи мальчишки и начали меня дразнить монахом. С этого же года, как я и теперь припоминаю, я начал все чаще и чаще уходить в поле, в лес, где просиживал с утра и до глубокого вечера в различных размышлениях о Боге, о Христе, и об Ангелах, и о святой чистой одухотворенной экстаической религиозности, полной в себе всякого восторга и радости! И вот теперь все это вспоминаешь, и всему этому удивляешься, и глубоко-глубоко скорбишь душой, и часто говоришь сам себе: о, зачем я так не жил всю жизнь? Зачем я, после такой детской религиозной чистоты так глубоко-глубоко пал в бездну всяких пороков и грехов? Неужели я хоть под старость свою не покаюсь? Неужели я так и умру нераскаявшимся грешником?

О, пресвятая и пребожественная Троица! Сохрани и спаси меня от всего такого, чем бы я мог обоготворять себя! О, Боже, я знаю всю силу опасности плотских грехов, но я знаю также еще бесконечно более опасную сатанинскую силу — это религиозное самоуслаждение своею праведностью, своею святою жизнью, особенно когда это религиозное самоуслаждение разжигается человеческою похвалою и народною славой. Тогда бывает горе такому человеку, ибо он уже погиб, и его гибель будет для него заключаться в том, что у него от такого религиозного самоуслаждения исчезает всякая возможность покаяться, ибо самое покаянное чувство в нем превратится в выжженную солнцем дикую пустыню. И вот, зная такую страшную опасность религиозной извращенности, о, пребожественная и святая Троица, я молю и умоляю Тебя, води меня всегда к Себе Самой по самым глубоким рвам и низинам бездонно-глубинного смирения моего, ибо я также знаю, что можно гордиться и самым покаянным духом, можно даже тщеславиться и самым покаянием; но такая гордость и такое тщеславие все же не так опасны, ибо они никогда не могут собою питать самолюбивое наше человеческое «я», тем более они не могут обоготворять его. Однако и их нужно бояться, как самой смерти. А поэтому, всемогущий Триипостасный мой Бог, не освобождай меня из-под Твоей смиряющей меня десницы, пусть я всегда буду находиться под ней, пусть мое «я» от нее совершенно высохнет и превратится в прах, покрытый плевками человеческого презрения и отвращения ко мне. Конечно, как плоть, так и дух мои от таковой смиряющей меня Твоей силы будут вопить, истерично

надрываться; но, несмотря на все это, Ты, о Боже мой, все же не освобождай меня от смиряющей меня Твоей десницы, ибо в этом я буду знать, что Ты не оставляешь меня и хочешь всячески спасти меня. О, Владыка мой Бог, как человеческая природа сама по себе коварна, притворна и лжива! И это потому она является таковой, потому что она вся насквозь пропитана злом. В самом деле, есть ли в человеке хоть один атом, хоть одно чувство, хоть одно стремление, хоть одна мысль чистые – все как снаружи, так и изнутри, как формально, так и по существу носят на себе и в себе болезнь извращенности, ложь, изменчивость, предательство и т. п. Вот почему в нас нет ни одной чистой и цельной добродетели, ни одного чистого и непорочного подвига. Но Ты, о Царь мой и Владыка Бог, снизойди к нашим немощам, покрой нас жалостью Своею, влечи нас к Себе, прости нам все наши злые деяния и помилуй нас. Господи, Господи, если все святые перед Богом нечисты, если херувимы и серафимы перед Тобою несовершенны, то что я могу думать о себе, когда я по своей греховной жизни являюсь перед Тобою величайшим грешником из грешников?!

Владыка мой Господи, на Тебя я возлагаю свое спасение и целиком вверяю себя самого только Тебе одному. Будь же моим Богом, будь моим Спасителем, будь же, Господи, Сам перед Собою всегдашним ходатаем за меня. Боже мой, надежда моя, спаси меня, введи меня в Царство Твое, ибо я Твое создание!

§ 4. [Великий пост в деревне]

Снова о своем детстве. Не могу умолчать о том, как на мою детскую душу долго, неотразимо действовал Великий пост, проводимый жизнью наших козинцев. Вот наступает первый день первой недели Великого поста. Радостная тишина. Только в голове твоей проносятся яркие картины дикой Маслени¹³. В эти минуты носятся такие странные, но уже известные образы, как в дни разгульной Маслени длинная вереница тянется запряженных коней в санки с дугами, разукрашенными полотенцами, лентами, соломенными перевязками. Все они тянутся по зимней дороге, избитой глубокими ухабами, в санках находятся молодые и старые люди обоего пола, одни из них сидят смирно, спокойно, только между собою посмеиваются, другие, наоборот, скачут, танцуют, размахивают руками, кричат, свистят, шумят и т. д.

Здесь у кабака стоит огромная толпа мужчин и женщин, среди них много пьяных. Они смотрят, как два старика саженой на десять расходятся и потом вдруг изо всей силы бегут один к другому и лоб об лоб бодаются между собою. Не успела эта картина промелькнуть в воображении, как выступает другая картина — это весь зимний кулачный бой села на село, одной части села на другую. И вот этот кулачный бой представляется твоему детскому воображению в очень сильных красках: здесь вспоминается, как не раз батюшка с крестным ходом разгонял бьющихся крестьян, как много от этого кулачного боя прежде времени сошли в могилу, как у того или другого молодого юноши выбиты ребра, а то и глаз. На смену этой картине выступают в памяти и другие бесчисленные картинки.

Все это вспоминаешь только сейчас, когда в селе так тихо, тихо кругом стало. И только лишь заунывно звонит колокол: бо-о-ом, потом минут пять снова наступает тишина, потом опять слышится: бо-о-ом! На душе хорошо. Вот смиренно, точно в чем-нибудь провинившись, тянутся люди то оттуда, то отсюда поодиночке в церковь. В церкви батюшка в черном облачении произносит: «Господи и Владыко живота моего». Народ делает земные поклоны.

Никифор Степанович Забиларов — и он уже как-то себя иначе чувствует, ведь все время пьянствовал! А теперь он стоит на клиросе и читает часы. Ах, как же хорошо! Вот дети с колодками на ногах пришли в церковь. Это ученики нашей школы. Стоишь и любишь ими. Вдруг кто-то слегка ударяет тебя по плечу и говорит: передай свечку Божией Матери. Наступила суббота. Все готовятся к причащению. Исповедуются, друг у друга просят прощения, некоторые плачут. Благовестят уже в большой колокол. Народу много. У каждого по просфирке и у меня в руках просфирка. Я жду, когда я причащусь, то я ее тут же съем, чувствуется голод. А тут уже мама принесла вместе с другими из дома мне кое-какую пищу в церковь. Причастники после причащения Тела и Крови Господа садятся по сторонам около стенок и молитвенно едят принесенную им из дома пищу. Наконец причастили всех и кончилась литургия. Все идут домой со светлыми лицами, в душевном покое и с радостным сердцем. В это время такие набегают светлые мысли, что хочется плакать, и всех целовать, и всех жалеть, и всех любить, и всем делать только одно добро, добро! На следующий день воскресенье! После сего дня опять наступает другой понедельник Великого поста, и снова слышишь опять-таки тот же самый покаянный призыв колокола, который с точно таким же самым умилением грустно зовет грешников к покаянию: бо-о-ом! Через минут пять опять то же самое: бо-о-ом! А тут снег тает; земля показывается, повсюду лужи, ручейки текут, уже жаворонки поют, уже и молодая травка появилась на бугорках обнаженной от снега земли, тепло, грачи кое-где появились. Ах, как же все это хорошо-хорошо! В это время хочется куда-то бежать, странствовать, идти на богомолье, хочется быть каким-то подвижником и т. д., и т. д.

¹³ Масленицы.

Пост продолжается. Весна все более и более разворачивается. Вот уже грачи выют свои гнезда. Люди все постом делаются добрые как-то. Скот на дворе стал чаще ржать, мычать, блеять, похрюкивать... Куры уже кудахчут, а петухи все чаще и чаще дерутся. У голубей самый полет становится уже с аплодисментами, воробушки все веселее чирикают. Все люди с вербами идут в церковь. В церкви живой лес, освещенный свечами. Мое детское сердце все превратилось в одно радостное умиление. Стоило в это время кому-нибудь спросить меня — ты что плачешь? — и я бы тогда не удержался, я бы от радости разрыдался! Так я каждый год переживал пост в себе самом. Вот наступила последняя, Страстная неделя. Мужики в эти дни энергично берутся за чистку гумен, дворов. В Великий четверг все наше село усеивается кострами. Мужики в этот день на целый год режут свиней и палят их. В этот же день женщины начинают красить яйца. Ах, как все это становится радостно на сердце! В эти дни я прямо-таки часто изнемогал от радости — ведь это рай — думал я. Все как-то ликует, все радуется и все как бы становится невообразимо радостной весной! И вот теперь на пятидесятом году жизни все это вспоминаешь, и, вспоминая свое раннее детство, хочется пасть к ногам Распятого и обливать их слезами радости.

Боже мой! Я и теперь люблю Тебя, но это мне мало. Я хочу не только любить Тебя, моего Творца и Бога, но и всем моим существом абсолютно превратиться, без всякого остатка в себе самом, превратиться в самую сущность любви к Тебе. И только тогда я буду чувствовать себя, что я живу и существую, когда я действительно весь превращусь для Тебя в одну чистую абсолютную любовь к Тебе. О, сердце, мое сердце! Отныне будь одним пламенем любви моей к Богу моему. О, ум мой, ум мой! И ты отныне будь одним огненным творчеством моей любви к Господу моему. О, воля, моя воля! И ты отныне будь всесовершенной силой моей пламенной любви к Духу Святому. О, разум, мой разум! И ты отныне будь горным потоком моей любви к Триипостасному моему Божеству. О, рассудок, мой рассудок!

И ты отныне будь энергией любви моей к Творцу моему Богу. О, мысли, мои мысли, и вы отныне будьте чистой динамической любовью моей к моему Спасителю и Господу. О, чувства, мои чувства! И вы отныне будьте молниеносными крыльями моей любви к вселюбящему моему Господу Богу Вседержителю. О, плоть моя, и кровь, и кости мои! Отныне будьте носителями в себе любви моей к Искупителю, Творцу моему Богу. О, ты, мое «я»! Отныне будь всей душой любви моей к святейшей Триипостасной Троице Богу. О, и ты, наконец, вся сущность моей личности! Будь отныне чистейшей, без всякой примеси в себе самой, совершенной любовью к триединому моему Богу, Творцу всего сущего.

О, пребожественная Троица! Я хочу любить Тебя, и любить всем моим существом! Я хочу славить Тебя и славить Тебя всеми силами моей души. Я хочу воспевать Тебя и воспевать Тебя всеми свойствами всей моей сущности. Я хочу день и ночь созерцать Тебя, но созерцать только одною всеобъемлющею все мое существо моею любовью к Тебе, Бог мой! Спаситель мой, Дародатель мой, не оставляй меня, будь всегда со мной, ибо без Тебя я не живу, я умираю, я превращаюсь в безусловное небытие. Ты, только Ты один моя жизнь, Ты только один вся моя полнота всякого неизреченного блага!

§ 5. [Наши крестные ходы]

Опять из раннего моего детства. Не могу я умолчать еще и о том, что на мою детскую душу очень благотворно всегда влияли особенно два крестных хода, обычных в нашей Козинке: в день святого Преполовления и осенью, в день святых мучеников Фрола и Лавра.

В день святого Преполовления. Этот праздник особенно глубоко запечатлелся в моей душе. В этот весенний день после Божественной литургии идут крестным ходом с развевающимися хоругвями, с многочисленными крестами и иконами в ярких облачениях священник, диакон, псаломщики при большом стечении богомольцев, при двух довольно больших и гармонических хорах; под торжественный трезвон колоколов вся эта дивная процессия движется по полю, где при радостном торжественном пении жаворонков, дивном щелканье соловьев, задорном и ревнивом переклипании перепелов, при лесном звонкоголосом пении дроздов, ворковании горлиц, флейтовом свисте иволг, куковании кукушек, рассыпчатом и раскатистом пении зябликов и других певучих лесных и степных птиц совершаются молебны то там, то в другом месте.

В это время душа замирает от восторга радости. Крестьяне же нашего села Козинки в это весеннее время все одеты в праздничное платье. Мне, ребенку, это очень нравилось, особенно тонички из чистой шерсти самодельной работы. Сильно нравилась мне и вся пестрота женского одеяния: платки, шушки, паневы¹⁴ — все это бесконечно увеселяло мое детское сердце. А колокола в это время все гудят и радостно переговариваются между собою. Вдруг слышится приятный баритон. Это батюшка о. Василий Скрижалов читает во время молебна святое Евангелие. Слезы навертываются на глаза от такого сладостного чтения Евангелия, и думаешь: вот если бы у меня был такой хороший голос!

Молебен закончился. Крестный ход идет дальше. Вот мы пришли в большой лог, здесь народ рассыпался по всему логу. Идет тихий говор. Взглянешь на народ, так и чувствуешь: вот оно где, Царство-то Божие! Народ остановился. Снова молебен. Все сразу стихает. Перед началом молебна батюшка говорит слово. Хорошо сказал! Начало молебна. Стройное и сильное пение. Коленопреклонение. Молитвы о дожде и о вёдре. Снова крестный ход двинулся вперед. Цветы, аромат полевых злаков. Хорошо! Колокола все сильнее и сильнее гудят и переговариваются между собою. Снова молебен. Возвращение в село. Опять молебны по часовням и крестам, находящимся на улицах и перекрестках дорог в селе. Радостно и весело. Мальчики резвятся, бегают; девочки — где собираются в кучку, где идут парами, точно птички, между собою щебечут. Вдруг привал, отдых. На улице обед; а кто поблизости — пошел обедать домой. Через час опять все в сборе. Молебны у каждой часовни и у каждого креста продолжаются. Вот уже вечер. Крестный ход направился прямо в церковь. Другой же крестный ход оставлял след в моей детской душе — это, как я сказал, осенью, когда в день свв. мучеников Фрола и Лавра все село утром стоняет коней своих к церкви. Здесь и звон колоколов, и пение молебна с водосвятием, и ржание пяти-шести тысяч коней — все это сливается вместе в один хор, в одно целое. Тут часто бывает побоище коней, сбрасывание с себя всадников, а во время кропления их святой водой вдруг испуг, шараханье в сторону, лягание, вскакивание на дыбы и т. д. Картина поразительная, она целиком захватывает собою всю детскую душу. Такие церковные торжественные обычаи настолько чарующе действуют на детскую душу, что, право, не знаешь, где ты — на земле ли или на небе! Но вот проходит весна, проходит и лето, наступает уже осень. Этот осенний период времени наводит меня всегда на серьезные детские размышления. Мне в это время почему-то всех было жалко; жалко людей, жалко животных, жалко птичек,

¹⁴ Шушка – верхняя туникообразная девичья одежда, надевалась на рубаху. Панёва (понёва) – верхняя юбка из шерстяной ткани, иногда на холщовой подкладке.

жалко всех деревьев. Особенно мне было жалко журавлей, улетающих на зиму на юг, и я часто, слыша их крик, плакал.

Наступила зима. Отец мой и дядя изо дня в день молотят в риге хлеб, а вечером плетут лапти. Вот слышу — дедушка Иван говорит о различных видениях, о явлении мертвецов, в его разговор вступает мой отец, мой дядя, моя мама, моя тетя, бабушка, а то кто-нибудь придет из соседей. Разговор ведут серьезный, я лезу на печку, меня всего захватывает большой интерес от их разговора, но вместе с тем и страх пронизывает насквозь. Разговор продолжается до поздней ночи, мне для естественной надобности нужно слезть с печки и выйти из избы, а я смертельно боюсь и в это время со слезами зову к себе маму и в сопровождении ее иду по надобности в сени. Такие разговоры продолжаются почти всю зиму. В это время мужички нашей семьи переберут и всех умерших в нашей Козинке, и кто как умирал, и кто и кому из них являлся во сне, наяву; переберут они также и всех когда-либо бывших разбойников, всякого рода клады, их заклятия, их действия на находящих их и т. д. И вот все это слышишь, обо всем этом думаешь и часто дрожишь от страха и не знаешь, куда бы деться. Но вот наступают зимние грозные дни, когда страшный ветер, когда ужасная метель поднимаются на дворе, тогда часто дрожит изба, вокруг дома ветер поднимает ужасный вой, свист, когда крыша стучит, двери сенцев ломаются, о, тогда страшно становится на душе, и тогда мы все, члены дома, становимся перед иконами и горячо и трепетно молимся Богу о собственном спасении. Буря проходит, метель утихает и в это время на сердце становится радостно-радостно.

О, Боже Отец! Душа моя пламенеет опять к Тебе. Слезы восторга снова орошают ланиты мои, горячий пот покрывает чело мое; сердце мое охвачено сладостным огнем любви моей к Тебе, ноги приятным трепетом содрогаются у меня. О, как мне сладостно, невообразимо сладостно! Не от Твоего ли присутствия, Творец мой, все мое существо млеет и истаивает от радости во мне? Не от Твоего ли благодатного воздействия на меня вся душа моя так восторженно ликует и так радостно торжествует в себе самой? Не от Твоего ли, Боже мой, вторжения в меня, в Твою тварь, так весело все атомы, все клеточки костей и плоти моей танцуют во мне? О, священный восторг, о, благодатная радость, о, священный танец во мне! Истаивайте всего меня от вашей любви и преданности к моему Творцу, Богу Отцу! Кружитесь, вихрем кружитесь во мне, неситесь, взвивайтесь, парите, летите к вашему Создателю, Отцу небесному, наполняйтесь и переполняйтесь опьяняющей вашей преданностью к Нему, стройно танцуйте перед Ним на струнах вашей благодарности к Нему, пойте песнь Ему: «О, Отец небесный! Ты один свят и пресвят, Ты один сущий Бог, Ты Творец всего видимого и невидимого мира, Ты Отец едиnorodного Твоего Сына и изводителя Святого Твоего Духа. Поклоняемся Твоему ипостасному богоотчеству и лобызаем и почитаем всю полноту Твоего Божества. Славим Тебя как Творца всего сущего, и молитвенно повергаем себя к подножию ног Твоих, и смиренно восклицаем Тебе: кто Бог как не Ты, Отец Небесный? Кто свят и пресвят, как не Ты, Творец всего сущего? Кто благ, кто любвеобилен, кто Промыслитель о мире, как не Ты, всемогущий? О, поклоняемся Тебе, и просим, и молим Тебя, Бог Отец наш, царствуй и владей над ними.

Да будет, Господи Боже мой, Твоим царственным престолом все мое существо! Да будет сердце мое местом царской порфиры Твоей, да будет мое «я» хранилищем царской короны Твоей, да будет совесть моя оправой Твоего царского скипетра, да будет мое сознание Твоим законодательством для меня, да будут все мои стремления Твоею царскою печатью во мне, да будут все мои

чувства вместилищем царской власти Твоей во мне, да будет ум мой самым решением во мне Твоей святой воли. Да будут все мои мысли содержанием во мне Твоей царственности. О, Бог мой, о, радость моя, о, сладостное благоухание мое к Тебе! Я простираюсь к Тебе, я всем своим существом возношусь к Тебе, и прошу, и молю Тебя, дай же, дай мне склониться перед Тобою и в смирении моем созерцать Тебя!

§ 6. [Деревенский труд]

Не могу забыть и дивную картину самого засева крестьянских полей. На мою детскую душу пахота и засев полей всегда производили огромное впечатление. Я начал пахать сам на восьмом году жизни. О, счастливые мои детские годы! Вот все крестьяне с сохами и боровами едут в поле пахать землю, за конями по улицам бегут жеребятки. Кобылицы ржут о них, они своим жеребьячьим ржанием отвечают им. Весело! Вот поле. Ночлег. Крестьяне, вечером приехавши на ночлег, шестами измеряют свою землю. Варят кашу: кто с ветчиной, а кто с коровьим маслом, кто молочную. Наступила темная ночь. Тишина. Все уснуло глубоким сном, только изредка кое-где кричит перепел. Утро. Отец будит меня: «Егор, ай Егор! Вставай, будем пахать». Быстро, опрометью встаю. Еще темно, только за лесом занимается заря. Помолвившись Богу, запрягаем коней в сохи. Приступаем к пахоте. Начинаем пахать. Пашем. Утро становится все светлее и светлее. На душе радостно. Жаворонки еще до солнца оглашают поля. Вот уже и грачи, и галки, и скворцы появились на бороздах: они извлекают из земли червей. Вот уже в лесах рассыпаются своими голосами зяблики, а там где-то поют дрозды, а тут над тобой вереница за вереницей летят журавли и гуси. Цапли давно уже прилетели, чибисы тоже. Вот из алой перистой зари показался маленький краешек солнца, вот уже выкатывается из нее огромный красный шар — это дивное солнце! Оно вдруг своими лучами залило все поле, и вот видишь, как это поле все густо-густо покрыто, точно ползущими в разные стороны муравьями, крестьянами-пахарями. Картина дивная, трогательная! При виде всего этого я до того всегда умиляюсь душой, что часто от восторга всхлипываю за сохой. Мне в это время хотелось молиться и пасть отцу в ноги и умолять его, чтобы он не ругался, не сердился и был бы тихим, смиренным и богобоязненным.

Пахота продолжается две-три недели, а затем и заканчивается. Но вот через месяц наступает другая полевая работа — это покос травы. Эта работа также всегда оставляла в моем детском сердце глубокие следы. У нас в Козинке покос травы распределялся по осьминкам, в каждом осьминнике должно быть двадцать душ. Все эти соседи-крестьяне, составляющие из себя осьминник, в один вечер прямо на ночь отправляются с косами, вилами, граблями на подводах на то место, где этому осьминнику достался покос. Все крестьяне и крестьянки один перед другим хотят казаться веселыми, развязными, даже комичными. Весело, хорошо. Вечер. Все друг перед другом высказывают необыкновенную приветливость, во всем предупредительность и экономическое общение. Варят: кто кулеш, кто кашу, кто жарит яичницу, кто ветчину, и все едят вместе, и один другого угощает «складчиной», т. е. водочкой. На следующий день все уже рано-рано косят траву, потом сносят ее в кучки, делят их и большими возами везут ее домой. Но вот наступает рабочая пора. Хлеб поспел. Тут неотразимо величественная получается картина! В это время все поле покрывается людьми точно появившейся внезапно саранчой или зверьками-грызунами! Одни крестьяне косят, другие жнут, третьи вяжут в снопы, иные кладут снопы в крестцы, некоторые уже везут хлеб домой. По дорогам целыми обозами одни за другими крестьяне встречаются с порожними телегами, едут из села в поле, с возами снопов едут с поля в село. Грохот телег, тупой свист кос по хлебу, железный говор серпов, отбивание и точение кос, людской говор, песни мужчин и женщин — все это почему-то напоминает мне Страшный Суд.

Это время года также настраивало меня на нечто великое, духовное, и мне хотелось что-то для своей души сделать великое, но сделать сразу и тотчас, и решительно. Работать я любил. Труд для меня всегда был предметом радости. <...>

Помню также, как однажды в этот же самый год мои папа и мама взяли меня в поле рыть картофель. Стали мы обедать. Отец мой и говорит мне:

– Знаешь, сынок, я сейчас вспомнил о Москве, сколько же там церквей и монастырей! Страсть сколько! А поют-то как — не ушел бы оттуда! Уж очень хорошо! Был я, значит, в одном монастыре, — продолжает говорить отец, — и хотел тебе купить, значит, такую книгу, в которой описаны жития святых, да уж очень дорого, не помню сколько, но очень дорого.

Мама слушала папу с большим вниманием, а затем сказала:

– Жития святых, да, да, я слыхала сама, не знаю от кого, кажется от этого странника, который у дяди Якова находился, что эта книга очень хорошая!

– Нет, я куплю ее ему, — ответил папа, — пусть он все читает.

И действительно, первую книгу он купил мне «Житие святого великомученика Пантелеймона». После этой книги я уже стал читать и других святых жития.

О, Владыка мой Бог, как я радуюсь тому, что только Ты один скрываешь и раскрываешь в Себе бесконечно невообразимые вечные бессмертные сокровища всякого блага. О, как я благодарен, что Ты Себя Самого открыл миру! О, как я весь переполнен прославлением Тебя, моего Бога, за то, что Ты на всю Свою тварь, и в частности на человека, на Его «я» наложил Свою вечную Творческую печать, состоящую в абсолютной ее принадлежности Тебе, своему Создателю! Чудо! Вся эта тварная в ней принадлежность Тебе, моему Господу Богу, есть не что иное, как сущая космическая религия, всемирное всесущее тяготение и внутреннее влечение всей вселенной, всей твари к Тебе, Создатель всего сущего. О, великий Боже! Чем весь мир, вся вселенная воздаст Тебе, мой всеблагостный Бог, за Твое отчематеринство к ним? Чем, о Царь мой Триипостасный Бог, и я воздам Тебе за мое «я», столь одаренное Твоею бесконечною благостью? О, если бы не только я, но и вся тварь, все сущее превратилось в одну вечную и бесконечную славу для Тебя, то и тогда подобная слава была бы немим молчанием! Таков весь мир по отношению к Тебе в своем совершеннейшем, всегдашнем ничтожестве пред Тобою! Если весь мир является таковым неоплаченным должником перед Тобою, своим Творцом и Богом, то что же я тогда представляю перед лицом Твоим, о Пресвятая Троица? Не представляю ли я перед Тобою богородную сгущенность Твоих бесконечнейших даров, беспредельных Твоих благости и любви ко мне? Да, поистине таков я и есть на самом деле. Однако, о Царь мой Бог, как страшно, как невыносимо мучительно, что я самого себя – сгущенность Твоих бесконечных даров беспредельной благости и любви Твоих – сознательно превратил в ком одних ужасных оскорблений Тебя, моего Бога! Творец мой, Бог мой, Ты знаешь, что я говорю одну сущую правду. И вот, когда я смотрю на свое «я» и на весь мир, тогда я переполняюсь сознанием величайшей виновности перед Тобою, и в это время мне хочется пасть пред Твоим святейшим вездеприсутствием и превратиться в одни пламенные благодарные вздохи моего сердца, в одни горячие слезы пламенного прославления Тебя, в одну огненную расплавленную любовь моего смирения, в одно сокрушенное жгучее покаяние перед Твоею бесконечною любовью ко мне.

Боже, Отец всякой плоти и всякого духа, я таю от одной лишь мысли о том, что Ты, мой Бог, есть Творец всей вселенной! Я весь сгораю любовью к Тебе, мое сердце стихийно пламенеет к Тебе, мой дух парит к Тебе, моя грудь полна пламенной любви к Тебе, мне бесконечно сладостно, все стало мне мило, и любезно, и родственно. При одной мысли о Тебе теперь и зима, и холод, и мороз – все стало для меня каким-то небесным теплом, божественной весной,

распустившейся космической ароматной лилией. При одном воспоминании о Тебе, ах, как же стало хорошо, радостно, весело и упоительно-сладостно.

§ 7. [Молитвы и думы о Боге]

Хотелось бы уже закончить свое детство, но я никак не могу оторваться от него, слишком оно для меня дорого и слишком оно богато моими переживаниями, насколько я теперь вспоминаю его. Сейчас я вспоминаю, как на четвертом году моя мама задумчиво, а то и со слезами смотрела на меня, особенно после того, как я с раннего утра отправлялся тайком в лес, в поле и там предавался самым страстным размышлениям о Боге. Если он Бог, думал я, то кто же Он такой? Говорят, что Бог дух, но что такое дух? Говорят, что Он находится на небе и на земле? Не понимаю, думал я. Если в это время, когда я так думал о Боге (а ведь я думал о Нем так не одну весну и не одно лето), вдруг подует откуда-нибудь ветер, я уже думаю, не Бог ли это, ибо ветер, как я тогда думал, есть дух. Были дни, когда я находился в поле и опять размышлял о том же Боге; и вот я слышу гром, или вижу молнию, или в ясные дни слышу крик журавлей, или вижу высоко пролетающего белого голубя, и при виде всего этого у меня опять появляются мысли, не Бог ли это? Ах, думал я, как бы мне хоть один раз видеть Его!

Как-то один раз я опять отправился в поле думать о том же самом Боге. Мне было непонятно: все говорят о Боге, и я Его в себе самом чувствую, что Он есть, но мне хочется Его видеть и беседовать с Ним, мне хочется собственными глазами убедиться, что я Его знаю. И вот рано-рано я отправился в поле. Пришел я в большой лог. Сел я под овраг и сижу себе. Смотрю и вижу, как какая-то женщина вдруг появилась мне во ржи и тотчас скрылась. Я не обратил на нее внимания. Вот проходит полудень, а я с большим энтузиазмом сам с собою рассуждаю о Боге. И вдруг я не заметил, что передо мной во весь рост стоит мама и вся в слезах смотрит на меня. Я взглянул на нее, и тотчас мне стало как-то стыдно и неловко, и я не знал, что мне делать?

— Сынушко, — тихо раздался голос мамы, — ты с кем здесь разговариваешь? Ты здоров у меня?

Я молчу. Она быстро с берега спустилась под овраг, села возле меня и начала целовать меня и гладить мою голову и говорить:

— Сынушко мой, ты скажи мне, скажи мне, мое милое дитя, что ты тут делаешь?

— Да я, мама, вот о Боге думаю, хочу знать Его, хочу видеть Его.

— Сынушко мой, — ответила она, — Он ведь невидим, Он дух, Он Сам все видит, но мы Его не можем видеть, золотко мое.

Я, слыша это, говорю ей:

— Мама, как же Его святые-то видели?

Мама говорит мне:

— Я, дитя мое, не знаю, что тебе сказать на это, но я знаю, что Бог невидим.

— Мама, — спросил я ее, — кто же был Христос?

— Он был Сын Божий, — ответила она. — Сынушко, — промолвила мама, — скажи мне правду, я ведь твоя родная мама, у тебя головка не болит?

— Нет, мама, — ответил я.

Мама после этого ответа долго молчала и плакала. Молчал и я. Через несколько минут глубокого молчания мама взяла меня за руку и сказала:

— Ну, Егорушка, пойдем домой.

Я послушался, и мы пошли домой. Дорогой мама, что знала о Христе, — говорила мне. Я внимательно слушал ее. Но, слушая ее, я никак не мог освободиться от той мысли, что Христос — Сын Божий, — и что у Бога есть Сын. А раз есть у Бога Сын, то это значит, что у Него есть и жена. О жене же Бога я никогда ни от кого не слышал. У кого же мне обо всем этом спросить? Маму я боюсь спросить, дедушку Якова Меркулова разве спросить? Тоже, думаю я, как-то неловко; но почему спросить об этом стыдно и неловко — я не отдавал себе отчета. На

следующий день я опять отправился на то же самое место и опять с еще большей силой начал думать и размышлять и о Боге, и о Его жене, и о Его Сыне. Думал и размышлял я обо всем этом дни, недели, месяцы. И быть может, я бы еще долго-долго размышлял и думал об этом, если бы тот же дедушка Иаков случайно не объяснил мне Христово рождение таким образом, как свет рождается от света, как мысль рождается от мысли. Когда же я понял, тогда и мысль о жене Бога сама собою во мне сразу отпала. Много, о, как много я в детстве думал о Боге! Меня еще очень сильно занимало то, как Бог появился? Откуда Он? Есть ли у Него родители? Как же они Его родили, Бога-то? Почему я не Бог? Почему леса, камни, реки, солнце, луна, звезды, земля — не Бог? Как Бог может править и людьми, и солнцем, и звездами, и небом, и землею, и жизнью, и смертью? Ничего я не понимаю об этом, а уж как я хочу все это знать! Увлекали меня и небесные светила, о, как они меня сильно увлекали! Днем меня больше всего увлекало солнце, много я думал, как это такое маленькое солнышко и так оно сильно светит! Ночью же особенно меня выводили из себя — это звезды, и в частности, Млечный Путь. О, как же они меня пленяли своим светом и своим бесчисленным количеством! Я не раз думал, не есть ли они лампы Божии? Не есть ли они глаза Самого Бога? Но когда я видел их движение, то прямо-таки не мог ни сидеть, ни стоять от радости, от изумления. Так на меня сильно действовали все светила небесные! Не раз я думал, не живет ли на них Бог? Не на солнце ли Бог находится? Но вот в моих мыслях совершилась перемена относительно и солнца, и звезд, и самой земли. Я уже об этом говорил в своей исповеди¹⁵. Это было тогда, когда мне пришлось слышать чисто частным путем от одного учителя, что представляют из себя эти самые звезды, солнце, луна и земля. Когда мне учитель обо всем этом сообщал и говорил астрономическим языком, о, тогда я увидел перед собою такую грандиознейшую мировую картину, при созерцании которой я чуть не умер! Я и плакал, я и рыдал, я и танцевал, я и молился, о, чего я не делал, я весь превратился в один экстаз!

После такого экстаза я скоро заболел. Мама и папа с большим беспокойством смотрели на меня больного. И вот с этого момента я всегда чувствовал себя опьяненным величием красоты самой природы. С этого момента молитва и созерцание природы как бы слились между собою в одно сильнейшее во мне чувство, которое и до сего времени меня не оставляет. О, как я тогда чувствовал себя хорошо! Я чувствовал, что какой-то огонь разливался, который не жжет, а только истаивает меня и превращает все мое существо в одну неизреченную радость! Переносясь мыслию в тот период моего детства, я не могу не позавидовать тем святым, которые с момента своего зачатия были живыми сосудами Святого Духа, особенно Иоанну Крестителю, который был пророк, даже больше, чем пророк!

Трогательно вспоминать те молитвенные религиозные экстазы, которыми полно все мое детство. Моими молитвенными местами были Лужки, Большой Лоск, Высотский лес, Ларин, Овсянкин пчельник, даже и самая Козинка. Бывало, ходишь по этим дивным местам, ходишь и не нарадуешься. Тут цветы цветут, тут баранчики растут, тут ягоды (земляника) краснеют. Тут рожь зеленым морем раскидывается, тут мягкий и нежный ветерок тебя обвевает, тут опять солнце тебя зальет своими светлыми лучами. Тут вдруг облачко покрывает солнце и тень быстро бежит по полям. Ах, да как же хорошо! Вот я уже стал подрастать; стал с отцом ездить на ночлег с лошадьми. Бывало, все спят, а я лежу на спине и смотрю на звезды и думаю, есть ли там люди? Есть ли там животные, есть ли там леса? Думая так, я от таких мыслей переполняюсь такою в себе радостью, что не могу удержаться; я часто плакал. Отец, слыша мои слезы, поднимал свою голову и спрашивал меня:

— Что с тобою, сынок? Ты испугался чего-нибудь?

Я отвечаю:

— Нет.

¹⁵ См: *Спиридон (Кисляков), архим.* Исповедь священника перед Церковью. Киев, 1919. Переизд.: М.: ЭКСМО, 2018.

И снова мой отец погружался в сон, а я опять в созерцание тех же самых небесных светил и звезд. Так проходили дни, недели, месяцы, годы. В это время я уже сильно ощущал Христа вблизи себя.

В один из дней моих ранних лет я оставил дом и отправился в Иерусалим. Я от кого-то слышал, что там в день Святой Троицы апостолы получили огненные языки. Почему бы и мне не получить такой дар Неба? И вот я рано отправился искать тот Иерусалим. Как сейчас помню, настроение у меня было какое-то приподнятое, опьяненное счастьем, что вот, мол, я буду в Иерусалиме и получу огненные языки и буду говорить ими. Не могу сейчас вспомнить: молился ли я в этот день или нет? Отойдя от села верст пять-шесть, я встретил женщину с ребенком, которая тотчас спросила меня:

– Куда ты, мальчик, бежишь?

Вместо ответа я ее сам спрашиваю:

– Где находится Иерусалим и куда, в какую сторону мне нужно идти, чтобы найти его?

Женщина смотрит на меня с удивлением и улыбается и говорит мне:

– Я слышала, что Иерусалим находится в той стороне, где заходит солнце.

Я поклонился и снова ударился искать Иерусалим. Стало вечереть. Пришел я в Журавинский лес; пошел сильный дождь, загремел гром, я свернул с дороги и присел под куст. Стало жутко. Устал. Есть захотел. Не спится. Хочется скорее добраться до Иерусалима. На зорьке, по-видимому, я только уснул. Утро. При восходе солнца я оставил свой ночлег, пошел прежней дорожкой опять в Иерусалим. Только что я начал проходить лес, как увидел за собою погоню. Отец догнал меня верхом и вернул домой. Здесь я был хорошо наказан.

С этого года я начал учиться грамоте. Учил меня мой сосед С. Т. Тимошкин. После моего побега в Иерусалим мама моя еще более стала на меня смотреть с беспокойством. С этого года я уже сам начал ездить верхом и даже стеречь коней. Бывало, съедемся куда-нибудь в поле или в лес, детей нас много, пять, шесть и больше того. Вот мы тут рассуждаем между собою о прежних бывших когда-то разбойниках, о кладах, о курганах, в которых скрыты деньги; говорим о колдунах, которые очень боятся крестного знамения; говорим о самоубийцах, которым нет никакого прощения от Бога, говорим о некрещеных детях, внезапно умерших, как они один день в году являются людям и просят, чтобы кто-нибудь на них надел свой крест, ибо им некрещеным уже очень тяжело живется на том месте. Говорим о явлении умерших живым, говорим о том, что колдуны вырывают кости мертвых, толкут их в порошок и растворяют его с водкой и дают эту водку людям. Говорим о леших, о лесах, о домовых, о видениях, и весь день проходит в этом разговоре. Едем домой, голова полна всякого рода мыслями и образами от всего того, что от ребят в этот день услышишь. На восьмом году я уже стал учиться в школе. Школа была для меня настоящей тюрьмой. Учился я очень тупо. Я ненавидел и самую школу, и учителей, и детей, и учебники, и каждый раз я шел в нее точно на заклание. Однако проучился я в ней целых две зимы. За это время ох как много я поплакал! Мальчики как-то скоро выучивали свои уроки, а я сижу вечер, сижу ночь и ровно ничего не знаю. Отец, бывало, и бьет меня за мою тупость, но я ровно ничего не мог выучить. Но вот я начал уже читать. В это время я начал читать жития святых. Это была моя атмосфера. Я захлебывался от чтения про мучеников, пустынников, святителей, и — удивительное дело! Среди всех святых я предпочитал Василия Великого и особенно Оригена. Последним я так увлекался, что мне казалось, будто он был ближе всех мне, но я сам не знаю, от кого я о нем слышал и почему именно он был так близок моему детскому сердцу; я совершенно не понимаю. Даже один раз я его видел во сне. Он был с котомкой на спине, длинноликий, безбородый, босой, с палкой в руке. <...>

Все это теперь вспоминаешь с чувством жалости: почему я нравственно не остался таким чистым, каким я был мальчиком, на всю жизнь? А ведь были же такие святые, избранники Господни, которые с раннего своего детства, точно пшеничка Божия, росли и совершенство-

вались в своей духовной жизни. Вот хотя бы взять таких ветхозаветных святых, как пророка Самуила и других, подобных ему. Здесь все дело — молитва. Молитва имеет в себе свои тайные силы. Вот мать пророка Самуила Анна, жена Елкана, своею молитвою к Богу разверзла свои бесплодные ложезна и родила пророка Самуила. Молитва Иоакима и Анны, родителей Девы Марии, произвела в них саму Пречистую и Благословенную Деву Марию. Захария и Елизавета своею молитвою создали в себе благословенный плод — пророка Иоанна. Много подобных фактов встречается и в новозаветной Христовой Церкви. Что же все это значит? Это значит, что молитва сама по себе есть только живой процесс, в котором и через который человеческая тварная ограниченность, зависимость, беспомощность и даже ничтожность обменивается с безграничностью Бога, с независимостью Христа, Бога Логоса, с всемогуществом Святого Духа и с абсолютной действительностью самой обоженности Святой Троицей! Во время самой молитвы, в ее процессе все находящееся в человеке как ограниченном существе, все тварное отдается Богу, и Бог все это от него принимает, и взамен всего этого Он через тот же самый его молитвенный процесс дает ему все то, что Сам в Себе имеет, т. е. наделяет его Своими Божиими всемогущими творческими силами. Вот что значит сама по себе молитва как молитва! О, чудесная сила молитвы!

Боже мой! Как я мало молюсь Тебе! Лениость одолевает меня. Какая-то холодная кожа объяла всего меня, она тяжелым пластом лежит на моей слабой воле. Часто я, Господи, размышляю о том, что уже настало благоприятное время для молитвы моей и мне нужно молиться, но увы! Я не молюсь. Отчего же чувствуется во мне такая слабость моей воли к молитве? Думаю, что это оттого, что я привык себя отдавать Богу только одной головой с ее головными мыслями, а не всем своим существом; оттого, что я всю свою религиозность укладываю только в одну свою мысль, а не в волю; оттого, что мой религиозный интеллектуализм живет моей интуицией, а не моими волевыми импульсами. И вот, такая во мне частичная интеллектуальная религиозность происходит во мне только потому, что я слишком эгоистичен в отношении Тебя, моего Бога, я слишком жалею, щажу себя, чтобы предаваться молитве, я очень дорожу собою, очень высоко ставлю себя перед самим собою, очень ценю себя самого, чтобы быть чернорабочим перед лицом Твоим, о Боже мой! Тогда как истинная молитва совершенно не знает религиозных аристократов, она, если и замечает среди христиан, то, во всяком случае, она смотрит на них как на какой-нибудь светский благочестивый пустоцвет, т. е. на людей совершенно нерелигиозных, но думающих о себе и внушающих себе, что они религиозны. Истинная молитва знает в отношении себя одних лишь чернорабочих, духом и телом предающихся молитве. В таковых истинная молитва свободно себя чувствует, и в них лишь одних она осуществляет свои благодатные тайны.

О, мое «я», остановись и посмотри на самую сущность молитвы и увидишь, и убедишься, какой дар, какая милость со стороны Бога ниспосланы нам в самой молитве! Молитва! Что же она такое есть сама по себе? Ты, мое «я», хоть когда-нибудь задавалось ли таким вопросом? О, ты никогда не задавалось этим вопросом! И потому не знаешь ее. Молитва же — это живая связь с Богом! Молитва — это вечный телефон к Богу! Молитва — это свободная всегдашняя возможность живого общения человека с Богом, молитва — это свободная возможность получить от Бога все просимое и все желаемое; молитва — отдача человеком всего своего невозможного Богу и взамен всего этого получение от Бога всего возможного Божеского. И однако же, несмотря на все это, все же я чувствую в себе самом тяготение более не молиться, чем молиться! Что же это такое? О, это есть практическое неверие в Бога, отрицание Его в собственной жизни, волевое безбожие, самообогащение себя самого! О, Великий Господь! Как все это страшно становится относительно себя самого! Не молиться — значит не верить в Тебя, не молиться — значит не любить Тебя, не молиться — значит презирать Тебя, не молиться — значит себя самого ставить выше, ценнее и достойнее Тебя, моего Бога. Вот и все, из-за чего человек не молится Богу. И все это, говорю я, вытекает только из одного-единственного

источника — перевеса в себе самом собственной принадлежности себе самому над принадлежностью в себе самом, как твари, своему Богу-Творцу! Из этого же источника произошло и всякое зло; борьба же и победа в себе самом над принадлежностью самому себе во имя торжества принадлежности Триипостасному Богу и есть истинное подвижничество Христово, увенчанное святостью Святого Духа.

О, Боже всемогущий, преславный, единый, святой! Помоги мне раз навсегда во Имя Твое святое иссушить и изничтожить в себе эту принадлежность себе самому! Господи Боже мой! Да живет и да процветает и приносит обильнейшие плоды во мне вся моя принадлежность Тебе на счет принадлежности во мне самому себе! Боже, Царь мой! Я ничего не хочу, как только того, чтобы всем моим существом принадлежать Тебе, и принадлежать вечно и бесконечно. Боже всесвятый!

О, как хорошо и сладко принадлежать Тебе, и только Тебе одному. Я другого блаженства не знаю, кроме единого блаженства быть Твоим и Тебя иметь своим. Это такое самое наивысшее, всесовершеннейшее блаженство, равного которому нет ни на земле, ни на небе.

О, сладко и пресладко быть с Тобою и себя самого чувствовать и ощущать в Тебе Самом, моем Боге!

О, Господи Боже мой! Благодарю Тебя за то, что я, как человек, имею в себе идею о Тебе. Благодарю Тебя, Триипостасный Бог, за то, что Ты вложил в меня силу, закон принадлежности Тебе, моему Творцу и Создателю! Благодарю Тебя, мой Творец и Создатель, за то, что Ты дал мне совесть, различающую добро от зла и оправдывающую первое и осуждающую второе. Благодарю Тебя, Мой Творец и Создатель, за то, что Ты открыл Себя Самого для меня и во мне, даже в самой космической природе. Благодарю Тебя, что Ты наградил меня естественною нравственностью, законом откровения о Себе. Благодарю Тебя, наконец, за то, что Ты в лице едиnorodного Сына Своего открыл Себя Самого всему миру, что Ты есть Триипостасный Бог, Отец Бог, Спаситель и Утешитель всего сущего. За все благодарю Тебя и славлю и воспеваю моего безначального, вечного Бога, аминь.

§ 8. Пронский мужской монастырь

Девятый год мне. В этом году моей жизни я стал уже хорошо читать по-славянски. Приблизительно в августе месяце к нам в дом пришел из Пронского мужского монастыря послушник, по имени Степан, а впоследствии он был в том же самом монастыре иеромонахом Киридатом. Послушник этот был уроженец нашей Козинки. Раньше, до монастыря, он временами или юродствовал, или просто безумствовал. Так вот он и теперь, пришедши к нам в дом, просит мою маму, чтобы она отпустила меня с ним в монастырь на несколько дней. В этот день я только что с поля пригнал своих овец.

Когда я вошел в избу, то увидел этого послушника Степана. Поздоровался с ним и, узнав цель его прихода, я тотчас согласился, и вот мы в тот же самый день отправились в монастырь. В монастыре мне понравилось, и я остался в нем. На меня в первый же день какое-то мистическое произвела впечатление самая монашеская одежда, особенно мантия.

Она долгое время во мне вызывала какое-то странное чувство. Вся монастырская обстановка была для меня странной и даже загадочной. Некоторое время я ходил в своей сельской шубенке, а затем надели на меня подрясник. В скором времени дали мне послушание быть церковником. Это послушание состояло в том, чтобы я каждый день вставал за полчаса раньше всех и давал повестку идти в церковь, отпирал церковь, разжигал кадило, зажигал лампы и снова звонил в колокол. Так, говорю я, каждый день. С октября же и до апреля, кроме всего, я должен был отапливать церковь. Мне был только десятый год. Послушание для меня было тяжелое. У меня оттого, что я почти не разувался, ноги начали преть, открылись на подошвах раны. Не знаю, как они у меня зажили! Ноги болели около года. В то же время я сильно простудился; у меня на шее образовался такой большой нарыв, что многие думали, что я от него умру. Находясь под таким тяжелым по моим годам послушанием, я все же исполнял возложенное на меня это дело, и исполнял его безукоризненно. Братия меня любила. Настоятель тоже. Там был еще такой же мальчик, как и я, Федот, с ним-то вот мы и жили в одной келии. Подвижников здесь в мое время не было, но дух подвижнический в этом бедном монастыре все же витал. Старшая братия, что говорить, была вся примерная. Игумен Мелетий умел держать ее и строго, и отечески любовно. В этом монастыре я оценил самое послушание и радостно подчинился этой добродетели. Здесь я первый раз начал вдумываться в жизнь святых подвижников. Чтения житий святых во время обеда и ужина всегда оставляли глубокие следы в моем детском сердце. В этом монастыре на мою душу благотворно влияли только два человека — это тот же самый послушник Степан и монах Вениамин. Последний впервые познакомил меня с книгой «Достопримечательное сказание отцов». Первый часто в саду около церкви сажал нас с мальчиком Федотом на пень, или на камень, или прямо на землю, сам же он, всегда стоя на ногах, всегда в таких случаях правую руку засовывал под подрясник, закрывающий левую часть груди, и, слегка повернувшись к нам правым боком, устремлял глаза в сторону и нежно и тихо говорил нам в роде нравственной лекции. Говорил он нам о молитве, о послушании, о посте, о частом призывании Имени Божьего, говорил он нам о том, как мы должны всегда знать и помнить, что Бог все видит и все слышит. Такие его частые отеческие речи глубоко запали в мое детское сердце! Однажды я долго находился в церкви, и вот быстро вышел из нее и для небольшой необходимости забежал за церковь и освободился около нее. Он это увидел. Здесь он мне ничего не сказал, но после обеда он взял меня за руку и повел в сад, и по этому делу он читал мне нотацию ровно два часа. Главная его мысль, которую он развивал мне, была та, что я осквернил то место, где совершалась бескровная жертва. — И как это я дерзнул сделать? Это так на меня действовало, что я после этого долго плакал, а затем исповедался в этом грехе и причастился Святых Тайн. Этот послушник не раз мне говорил, чтобы я ко всякой святыне, даже к кадилу и к кадильному углю, относился с большим благоговением. Один раз я подал

священнослужителю кадило без огня. Он узнал об этом и велел мне в досужие часы читать псалмы. Так я читал три дня. Один раз я хлопнул сильно дверью его комнаты. Он также читал мне целый час по этому поводу нравоучение. В этой своей речи он больше всего говорил мне о том, чтобы я развивал в себе благородные отношения ко всем, а благородные отношения, говорил он, всегда тихи, скромны, осторожны. Помню, как я в своей келье начал душить клопов. Он узнал об этом и серьезно сказал мне: «Ты их не творишь и не души, а заведи в своей келье чистоту, и их не будет». Бывало, придут мои родители ко мне в монастырь. Он ведет их в сад или в лес и говорит им слово, говорит иногда час, а иногда и более. Но когда почему-либо расстроится, тогда он становится среди обители и говорит безразлично всем и каждому, сам же в это время покрывается горячим потом. Живя в этом монастыре, я все же чувствовал, что мне чего-то недостает, а чего, я и сам не знаю. Возможно, что я вследствие этого часто днем и ночью уходил в монастырский лес и там предавался молитве. Иногда на меня нападало уныние, и я нес его опять-таки в этот лес и там молитвою убивал его при помощи Божьей. Лес этот был для меня Божиим храмом. Но вот в монастыре этом произошла перемена и произошла она при следующих обстоятельствах.

Игумена Мелетия назначили в какой-то другой монастырь, а сюда назначили из Рязанского Спасского монастыря настоятелем хорошего иеромонаха по имени Феодосий. Узнав об этом, я восскорбел душой. В это время кто-то мне сказал, что явилась где-то икона Божьей Матери, что ее явление якобы является знамением скорого пришествия Христа на землю. Я в сию же минуту рассказал об этом Федоту, и мы оба залезли с ним на чердак и в паническом ужасе, и страхе, и глубоком отчаянии так горячо молились, что нас еле сняли оттуда, так сильно мы ослабели от слез и рыданий. Через несколько дней после этого прежний наш настоятель отбыл на место своего назначения, а на место его явился уже новый. Мой Степан в скором времени оставил монастырь и отправился в тот монастырь, куда был переведен игумен Мелетий. В лице Степана я потерял для себя своего наставника. Новый настоятель вскоре оказался для братии отцом и другом. Он быстро привязал к себе всю братию, привязался и я к нему. Через несколько времени он был отозван опять в свой Спасский монастырь. Я очень и очень жалел его.

В это время я временами стал в себе чувствовать сильное, жгучее влечение быть или миссионером или юродивым. Бывало, под наплывом такого в себе чувства уйду в лес и там думаю — что же мне делать, на что решиться? В это время я уже знал, что такое тщеславие и что такое духовная гордость. И вот я часто думал, уж не тщеславие ли, не гордость ли меня влекут на эти подвиги. Понять и осознать это чувство я никак не мог. Вот в таком-то душевном состоянии я иду к вышеупомянутому монаху Вениамину и открываю ему все свои мысли, а он, выслушав меня, говорил мне: «Может быть, это голос предопределения Божия, пусть Бог творит Свою волю в твоей жизни». Ухожу от него ободренный.

На второй год моего пребывания в этом монастыре, значит на одиннадцатом году моей жизни, напал на меня такой панический ужас в отношении мертвых, что я каждый раз, давая повестку к утрени, бежал к церкви, от страха не попадал зуб на зуб. Такой страх мучил меня приблизительно месяца два. После этого я все сильнее и сильнее начал чувствовать в себе радостные, восторженные прежние сильные вспышки. Лес, поля, птицы и здесь нашли меня, они и здесь, в тихой обители монастыря, все по-прежнему сильно влияли на мою детскую душу. В конце второго года моего пребывания в этом монастыре эти восторженные религиозные вспышки радости стали все сильнее и сильнее появляться во мне, и я уже стал чувствовать себя большее время опьяненным от этого радостного и сладостного религиозного восторга. И вот в один из дней, сидя вечером в трапезе, я слышу — читают житие св. Степана Пермского. И когда я услышал о его миссионерской деятельности, я тотчас весь был охвачен внутренним огнем непреодолимой жажды быть миссионером. Кончили ужин. Я пошел в келью. Спать не могу. Я отправился в сад и там молился всю ночь. Из сада утром я пошел прямо в церковь. Не

могу и сейчас понять, что со мной случилось, только я босой без шапки, в одном подряснике отправился домой. Много я думал, идя домой, и о миссионерстве, и о юродстве, и даже об отшельничестве. Мои родители, увидев меня, в таком состоянии прибывшего, испугались, они думали, что я сошел с ума.

Дня через два-три монастырское начальство послало за мной человека. Но я уже туда больше не вернулся.

О, Пресвятая Троица! Вразуми всех ненавидящих Тебя, спаси всех погибающих! Они Твое создание. Не дай восторжествовать злу над добром. О, Триипостасный мой Бог!.. О, пребожественная Святая Троица! Лжив, коварен, и лстив, и лицемерен человек! Он сам в себе так же изменчив, как хамелеон. Однако, несмотря на все это, Ты, трисолнечная Святая Троица, спаси всех погибающих, спаси всех заблуждающихся, просвети всех сидящих во тьме и тени смертной.

О, Триипостасный мой Бог! Ты никому не хочешь гибели, наоборот, Ты всем хочешь спастись; а поэтому умоляю Тебя, спаси всех, спаси неверующих, вразуми и обрати их в лоно Твоей святой Церкви. Жестоких смягчи, слабых укрепи, малодушных утешь и ободрю, младенцев воспитаю, юношей наставь, старость поддержи, родителей просвети, всем все полезное даруй. Ибо Ты един наш Бог милости и человеколюбия, Тебе слава подобает ныне и присно и во веки веков, аминь.

§ 9. На богомолье в Киев

Козинка наша — примерное село. Много она дала хороших людей. Много она дала и монашествующих, и думаю, что она и еще даст много светочей Христовых. Фундамент религиозно-благочестивой жизни в нашем селе заложен тремя родными братьями-мастеровыми Рябокиными: Лукой, Симеоном и Иваном. Они строили нашу церковь и в это время перестраивали и жизнь нашей Козинки. Они так глубоко в сердце нашей Козинки посеяли евангельские семена, что вот уже пятьдесят лет прошло, а семена все еще изобилуют свежей прогрессивной Христовой жизнью в себе! Среди выдающихся по благочестию своей христианской жизни больше других выделялся — это Симеон Самсонович. Он был Божьей птичкой, не сеявшей и не жавшей, но всегда питаемой Богом. Он был прост, всегда молитвенно настроен, смирен, кроток, человеколюбив и любил ежегодно ходить в Киев к святым угодникам.

Когда я оставил Пронский монастырь, то скоро сблизился с ним. Мы часто сходились с ним и беседовали о духовной жизни. Я в это время стоял на перепутье: между миром и монастырем. Когда мне наступил двенадцатый год, тогда я начал переживать в себе большое внутреннее колебание. В это время мир для меня казался более содержательным, чем раньше. Среда своими волнами стала лобзаться с моим сердцем, но вместе с этим экстатические религиозные чувства все сильнее и сильнее проявлялись во мне. В это время, как никогда раньше, мне казалось, что каждая травка, каждый цветочек, каждый колосок ржи, пшеницы, ячменя нашептывали мне о какой-то таинственной божественной сущности, которая, как мне казалось, близко, близко и человеку, и всякому животному, и всем цветам, и всем травам и деревьям, и земле, и солнцу, и звездам, и всей Вселенной. Помню, после того как я вернулся из монастыря, недели через две или три Акимочкины, братья Игнатий и Петр, пригласили меня поехать за самый Ларин. Я поехал. Дело было вечером. Приехали на место поздно, переночевали. Рано утром приступили к пахоте. Еще до восхода солнца я вдруг весь был охвачен сильным опьяняющим меня религиозным радостным экстазом. Внутреннее состояние души моей в этот день было для меня какое-то такое, что я как будто пахал не землю, а само небо! С утра и до ночи я только лишь плакал. Во мне в этот день происходило что-то невообразимое.

В этом же самом году я, хотя всячески и сторонился девушек, но уже временами чувствовал к ним какое-то тупое влечение. В этом же самом году мы с Симеоном, этим старцем, отправились на богомолье к Тихону Задонскому. Это было Великим постом. Шли мы туда четыре дня. Эти дни были для меня сотканы из одного восторга радости. Тут я первый раз осознал, что из себя представляет религиозное странствование. В самом деле, в эти дни мне приходилось в себе самом переживать одну волну за другой, непрерывный прибой к самым сокровенным недрам моего сердца красоты природы, радостной смены живой картины космической реальности за картиной еще лучше, еще прекраснее предшествующей. Вот выступали все новые и новые картины. Всюду новые поля, новые села, новые леса, новые горы, новые овраги, новые холмы, новые долины, новые люди, новые жаворонки, новые дрозды, новые зяблики, новые скворцы, а изнутри себя самого также чувствуешь и новые мысли, и новые чувства — все новое! Ах, да как же хорошо! Вот и монастырь. Сердце переполняется умиленной радостью. Храм. Служба. Страстная среда. Необыкновенная служба. Дивный хор. Строгая жизнь монастырских насельников. Все это неотразимо на меня действует. Гостиница, богомольцев много. Гостинник — благообразный старец-инок. Всюду царит монастырская строгость. Один только иеромонах Иосиф нарушает ее собой; он находится под опалой епархиальной власти. Он святой жизни, он прозорливый. Его осаждают паломники. Он под стражей. Симеон каким-то образом был им принят, подошел и я к дверям его кельи, он быстро вышел ко мне и как-то отрывисто сказал мне, что я через год буду на старом Афоне. Эти слова его глубоко захватили всего меня, и все мое существо всколыхнуло во мне.

Вот Великий четверг. Утренняя началась в двенадцать часов ночи. Прекрасное чтение, дивное заунывное пение, самое поразительное содержание всей церковной службы этого великого дня — все это сильно потрясло мое детское сердце. Тут я не раз думал, какое неоценимое сокровище — и пение, и чтение в церкви! Но более всего меня еще в те годы моей жизни удивляло то, что мы имеем возможность не только знать Бога, но и беседовать с Ним, и всегда молиться Ему, и находить Его! Тогда, думал я, что было бы с землей, если бы все животные знали Бога и тяготели к Нему; тогда и у них были бы такие же самые церковные службы и такой же самый Великий пост, и они тогда и пели бы, и читали бы, и молились бы Ему. Тогда у овец была бы своя служба, у коров своя, у коней своя, у собак своя, у кошек своя, и все бы они в один прекрасный праздничный день поднимали бы свои головы вверх, и вдруг все, смотря на небо, они и блеяли, и ревели, и вопили, и кричали бы, и Бог Святой слышал бы их! При такой мысли я от изумления сильно заплакал. Но вот кончилась утренняя. В девять часов утра началась Божественная литургия. Служить ее начали собором. Первый раз я слышал такую литургию! Совершалась она величественно, а пелась она так хорошо — особенно вместо Херувимской «Вечери Твоея Тайныя...», — что у меня и слова нет, чтобы передать ее. За этой литургией Симеон и я причастились Святых Тайн.

В семь часов вечера служба. Это чтение двенадцати Евангелий. Оно было в высшей степени умирительно. За этой службой так хорошо пели «Егда славнии ученицы на умовение», что вся церковь буквально рыдала. Это было не какое-нибудь пение, это было какое-то небесное рыдание; мне казалось, что все это время само небо рыдало при одной мысли о том, что некогда Христос в этот день переживал в Себе Самом. Таково было пение в сем монастыре в это утро. В двенадцать часов начались т. н. царские часы. Во время этих часов один тенор так хорошо читал паремии и Апостол, что мне казалось, будто сам Херувим с неба напоминает все ветхозаветные пророчества всей земле о том, что они совершенно сбылись на одном лишь Христе! Я был переполнен каким-то таинственным страхом от его чтения. Кончились часы. Часовой перерыв. Вечерня. Вынос плащаницы. В этот момент на меня повеяло какой-то русской религиозной радостью, и мне сделалось тепло и утешительно, и я невольно как-то сказал: «Плащаница — это Россия, а на ней вот лежит образ Христа, но образ распятого Христа!» Я вышел из церкви, и какая-то религиозная тоска охватила мою душу. Мне что-то стало жалко России. Ночь. Я утреню проспал. Началась Божественная литургия. О, какая же это дивная и предивная литургия! Когда один баритон начал читать паремии, то мне казалось, что здесь, в этом храме, спустилась самая небесная тишина. Все богомольцы превратились в одно затаенное дыхание. Но вот чтец через несколько минут, вдруг заканчивая одну из нескольких прочтенных им паремий, запел: «Поем Господеви, славно бо прославился», и затем то же самое и на тот же самый мотив грянул хор: «Поем Господеви, славно бо прославился». Я не удержался, я сильно заплакал. Так хорошо-хорошо и чтец, и певчие пели это — «Поем Господеви, славно бо прославился». Я в это время взглянул на Симеона и на других богомольцев и увидел, что и они имели на ланитах слезы. Прочел он паремии. На душе радостно, светло, но вместе с тем и как-то грустно-торжественно. Вдруг запели: «Елицы во Христа крестистесь...» От этого пения я ощутил пасхальное тихое веяние ангельских крыльев, которыми они, делая сильные размахи, готовятся лететь ко гробу Христа, чтобы отвалить самый камень от гроба и возвестить мироносицам, что Христос воскрес! Такое чувство я ощущал в себе. Но вот Апостол прочтен. Царские врата затворились. В алтаре происходит что-то таинственно-лихорадочное, полились нежные детские звуки сладостного пения: «Воскресни Боже, суди земли». Богомольцы — одни плачут, иные же на словах «Яко Ты наследилши во всех языцех» крутили головами и всхлипывали. Вдруг открылись Царские врата, и весь алтарь, и все служители точно облеклись в белый-белый свет. К горлу богомольцев подступили слезы, послышалось радостное рыдание, а Симеон мой даже от радости воскликнул: «Вот Он, батюшка, воскрес Христос!» Богомольцы от его восторженного невольно вырвавшегося восклицания все вздрогнули и тоже самое про-

говорили: «Воскрес Христос». И точно волна по всей церкви прокатилось это русское народное «Воскрес Христос!» Мне стало от слез и темно в глазах, и уж очень жарко в сердце, и потом покрылось мое детское чело, и я то же самое почувствовал в себе самом, что Христос действительно воскрес. Запели вместо Херувимской песни «Да молчит всякая плоть...». Вся церковь в это время наполнилась каким-то не кадильным ароматом, а ароматом ангельского присутствия. И хорошо, и радостно стало на сердце. Кончилась литургия. Мы с Симеоном отправились в гостиницу. Нам подали чай. Семен весь радостный и умиленный. Я все время смотрел на него. Напились чаю, я заснул. Наступил вечер. Народа — тысячи. С иеромонахом Иосифом что-то случилось, его келью окружила монастырская стража. Народ все более и более наполняет монастырь. Идут сюда и крестьяне с котомками на плечах, и городские. Все идут сюда и несут с собою пасхи, яйца, творог, сыр, мясо и т. д.

Уже весь монастырь превратился в море голов. Монастырь весь освещен ярким-ярким светом иллюминации. Ночь пасхальная тиха, только монастырь весь превратился в один густой человеческий муравейник. Всюду глухой раскатывается говор, по всему монастырю. В церкви читают Деяния, прикладываются к раке святого Тихона. Вдруг грянул удар колокола, грянул другой раз, грянул и третий раз, и загудел по всему монастырю звучный, густой и приятный звон большого колокола. Народ, точно река после сильного ливня, [которая,] сорвав всю свою плотину, с неимоверной силой обрушивается в свои глубокие рвы, так и он весь бросился в церковь. Тесно, нет возможности повернуться. Запели «Волною морскою», внесли плащаницу в алтарь, задвигались хоругви, загорелись большие диаконские свечи в алтаре, заблестали белым светом ризы на священнослужителях, забряцали серебряные кадила в руках настоятелей и диаконов, заволновался радостный народ, расступились все молящиеся, потянулся крестный ход. Целая вереница священнослужителей выступила из алтаря. Хор грянул: «Воскресение Твое, Христе Спасе». Колокол все сильнее и сильнее гудит, точно и он понимает все свое значение в сей великий день. Вот процессия остановилась. Двери храма закрыты. О, сладкая торжественная минута! Вдруг сладостной и бесконечно торжественной волной раскатилось по всему народу: «Христос воскрес!» Весь народ от радости вздрогнул, и на лицах у всех заструились сладостные слезы, и у всех задвигались уста, и всё шумно на приветствие настоятеля: «Христос воскрес!» громовым ответом грянуло: «Воистину воскрес!» И всем стало легко на душе и радостно на сердце, и все почувствовали себя, что сегодня они как никогда богаты, счастливы и блаженны. Отворились двери храма. Народ весь взошел в церковь, у каждого молящегося в руках — зажженная свечка. Последовала великая ектенья, за ней хор грянул: «Воскресения день...»

Я стоял и сильно плакал от радости. На второй день после пасхальной Божественной литургии мы отправились обратно домой. Шли до своего Скопина ровно пять дней. Впечатление от этого паломничества было невообразимо сильное.

Воскрес Христос! Торжествуй, вечность. Воскрес Христос! Радуйся, пространство. Воскрес Христос! Рукоплещите Ему, все космические силы. Воскрес Спаситель мира! Благовествуйте о Нем, всей мировой действительности космические законы. Воскрес Христос! Превратись в победный божественный гимн для Него, многоустая жизнь. Христос Воскрес! Славьте и прославляйте Его, все химические космические элементы. Христос Воскрес! Играй Ему на своем многострунном оркестре, вся мировая атмосфера. Воскрес Христос! И, человеческий род, великолепно прославь Его. Христос Воскрес! О, что я слышу!.. Я слышу, что Его величественно прославляют: и горе, и скорбь, и грусть, и самое отчаяние, и самая нищета и бедность, и самое космическое зло, и, наконец, и самая смерть, и самый ад. Христос Воскрес! И весь мир превратился в одну радость, в одно

торжество, в один пасхальный веселый трезвон, в одну божественную Пасху, в один богоподобный привет и святой ответ: Христос Воскресе! – Воистину Воскресе!!!

Наступил мне тринадцатый год. Слова иеромонаха Иосифа из Задонского монастыря все время звучали в ушах: «Через год будешь на Афоне». Вот, думаю я, уже наступил этот год, когда я должен буду находиться на Афоне, но как? Каким путем я буду на Афоне? Я не знал, хотя об этом и много думал. <...>

В этом году настала Пасха. На второй день у нас в доме появился вот этот самый Семен, и мы с ним согласились через два дня отправиться на богомолье в Киев. Здесь, со дня нашего выхода из нашего села Козинки, дивная, только что распускаявшаяся весенняя природа подавляюще действовала на меня. Поля, леса, горы, рвы, долины, проселочные дороги, частые села, жаворонки, грачи, в воздухе крик перелетных птиц — гусей, журавлей, воркование горлиц, кукование кукушек, крик болотных чибисов и других птиц — все это бесконечно чарующе действовало на мою душу. На сердце у меня было легко и радостно. К такой торжественной внутренней моей радости присоединилась новая радость — то, что я, в лаптишках, маленький мальчик, иду далеко, иду на богомолье в Киев. Это чувство не было внутренним моим детским тщеславием, нет, это в некотором роде было какое-то моральное чувство радости. Симеон Самсонович днями был словоохотлив, а порою до вечера ни одним словом не перекидывался со мною. Но, говоря правду, я почти что и не имел нужды в беседах с ним, я в это время совершенно утопал в красоте природы и чувствовал себя до самозабвения находящимся среди бесконечных звуков, красок и форм и бесчисленных глаголов мира явлений. Ежемоментно слушая и понимая многоязычную речь природы, я совершенно истаявал от неопишуемой в себе радости, я чувствовал, что я нахожусь не на земле, а на небе! И если за это время когда-либо и были во мне понижены чувства радости, внутреннего восторга, то исключительно только в ночные часы, когда входили в тот или другой дом на ночлег — это все равно что после бани погружаешься по шею в болотную грязь — такое я всякий раз переживал в себе тяжелое чувство. Но зато какое торжествующе-радостное настроение ощущаешь в себе, когда утром оставляешь ночлежный дом и сноваходишь в весеннюю самую гущу красоты природы. <...>

Когда мы уже вступили в Малороссию, тут я еще сильнее, чем в своей Рязанской губернии, почувствовал влияние на меня богатства природы. Здесь я увидел много садов, грецкий орех, тополя, прекрасные груши. Но вот показалась наконец и великая колокольня Киевской Печерской лавры. Сердце замерло от радости! Мы все осенили себя крестным знаменем, слезы появились на глазах. Мысли закружились в голове: «Лавра, святые мощи, отец Иона...¹⁶»

Мы уже в Лавре. Народа — тысячи. Пришли мы в Лавру еще до начала Божественной литургии. Шли до нее двадцать один день. Вот ударил колокол, ударил второй раз, ударил и в третий. Народ, точно сибирский муравейник, зашевелился, зашатался, задвигался, каждый осеняет себя крестным знаменем. Осенили и мы себя таким же крестным знаменем, как и все, и тотчас пошли. Начали читать часы. Часы кончили. Отворились Царские врата, вышел средних лет невысокий протоиерей, сделал три поясных поклона и бархатистым приятным басом провозгласил: «Благослови, владыко!» Я сразу почувствовал себя переполненным каким-то восторженным умилением. Вот грянул хор: «Аминь». Ектенья с каким-то духовным чарующим благодатным переливом в голосе диакона, точно электрический ток, насквозь пронизывает, молитвенно пронизывает сердца молящихся. Певчие поют каким-то небесным мотивом «Господи, помилуй». Молящаяся толпа переполняется внутренним огнем молитвы. Пение становится все величественнее и величественнее! Вот после Апостола девятикратное

¹⁶ Преподобный Иона Киевский (1802–1902) — архимандрит, при жизни почитавшийся как старец и чудотворец. Основатель Ионинского монастыря в Киеве, где сейчас хранятся его мощи.

«аллилуия». Ох, да что же это за аллилуия! Она своей мелодией, небесной мелодией прямо поднимает тебя с земли на небо, она из человека делает тебя ангелом, да каким еще ангелом, который прямо как будто предстоит у Престола Господня и слышит херувимское пение!

Вот диакон выходит, о, как торжественно он выходит читать Евангелие! Да он уже читает Евангелие. О, да как же он его торжественно читает! Его дивный бархатистый и приятный баритон с мистически-грустно-торжественными переливами самого благодатного божественного мотива прямо колеблет всю сущность человеческой природы, вскрывает самые сокровенные уголки твоей души и все твое «я» наполняет каким-то одухотворяющим восторгом молитвенной радости. Он окончил читать Евангелие. Народ плачет от его чтения. Я слышал, что этот протодиакон за такое дивное чтение во время службы непосредственно от царя получил золотую медаль, которую якобы сам монарх приколот на его грудь к стихарю. <...>

Я молился, рыдал и слушал, и мне казалось, что не достает этому небесному пению только одного голоса Самого Бога: «Кого мне послать и кто пойдет для нас?» И мне в это время хотелось сказать: «Вот я, пошли меня!» (Ис. 6:8).

О, лаврское пение, о, небесное пение! О, божественное пение! Кто только слышал пение Киевской Лавры, тот уже вкусил пение херувимов и серафимов. Но то время уже прошло, теперь от прежнего пения в сей обители не осталось даже и тени. Я от такого пения целый месяц ходил как пьяный! Днем и ночью я грезил им!

На второй день мы с Семеном прошли по всем пещерам и поклонились мощам святых угодников и приложились к чудотворному образу Божьей Матери. Поговели, причастились, сходили к отцу Ионе. Семен вернулся домой, а я остался в Киеве. По совету некоторых монахов я подал телеграмму на деньги тех же самых инок, чтобы мне отец прислал годовой паспорт якобы для поступления моего в Лавру. Через несколько дней я его получил и без копейки денег по железной дороге на четырнадцатом году своей жизни (в начале июня, а родился я 21 мая) отправился в Одессу. Зачем я туда отправился? Я уже шел на старый Афон.

Всякий раз, когда я размышляю о Тебе, моем Боге, тогда я весь сосредоточиваюсь только на одном Тебе, моем создателе, и всем своим существом умиляюсь перед Тобою и бесконечно поражаюсь Твоей всесвятнейшей любви к миру, и в частности к человечеству. Ты один Бог мой, Ты один создал мир, Ты один вызвал всю тварь из небытия в бытие. Ты один вложил в нее семена творчества. О, как же не поражаться Тебе, всесущему Творцу и Богу, и не верить в Тебя, и не любить Тебя?

О, Господи мой, о, Бог мой, о, радость моя, о, надежда моя! Господи, увеличь во мне веру в Тебя, бесконечно увеличь во мне и любовь к Тебе, Царь мой и Бог мой, я хочу, пламенно хочу бесконечно любить Тебя. Я хочу, чтобы Ты все мое существо превратил в одну чистую абсолютную любовь к Тебе. Я бы, наконец, хотел больше, сильнее и пламеннее всякой твари любить Тебя! Царь и Бог мой, исполни мои пламенные желания так именно любить Тебя, как я хочу любить Тебя!

§ 10. Из Киева в Одессу

Месяц июнь. Шел я больше всего по полотну железной дороги. Снова поля. Снова леса, снова певчие птицы, снова и цветы, снова объятия красоты. Вот уже хлеб колосится. Луга – хоть сейчас коси! Здесь богатая Малороссия. Иду с великим восторгом радости. Иду на старый Афон. При одной мысли об этом все мое существо млеет от нестерпимой жажды, как бы скорее быть на Афоне. Лаврское пение, мотив чтения диакона в Успенской Лаврской церкви сильно звучат в моих ушах. Семен Самсонович во весь рост стоит в моем воображении. Молитва, слезы вулканом вырываются из моего сердца. Хорошо, право хорошо! Вот уже вечер. Будочник сам зовет меня ночевать у себя. Ночую. Устал, сна нет. Козинка, мои родители, Семен Самсонович, Лавра, Афон чередуются в моем воображении. Уснул. Утром рано я пробудился, напился чаю, иду далее. Переживаю в себе то же самое. Особенно в это время, как никогда прежде, пламенная молитва, как бы сама собою, без всякого с моей стороны насилия многоструйной рекой несется из моего сердца к Богу. Тут во время шествия вспоминаешь из своего детства и всех друзей, и всех козинских мальчиков, и все те места, где приходилось с ними беседовать о Боге, читать Св. Евангелие, ночевать с лошадьми, стеречь овец и т. д. Уже полдень. Жарко. От полотна железной дороги отхожу на почтительное расстояние, сажусь на межу посеянного хлеба или ухожу в глубь пшеницы, вынимаю Св. Евангелие из-за пазухи и горячегорячо читаю его. На душе сладко. На сердце легко, на совести чисто. Вот уже солнце начало склоняться к западу. Встаю и снова иду дальше. Жаворонки своим пением увеселяют путь мой. Присутствие Христа очень близко ко мне, я как будто ощущаю Его сладостное дыхание на себе самом. Уже поздно. Будка. Я прошусь ночевать. Меня принимают. Малороссы. Мало понимаю их язык; если правду сказать, ничего не понимаю. Они улыбаются и начинают говорить со мною по-русски. Все удивляются, что я, такой мальчик, и вдруг решился идти в такой далекий путь!

Снова ночлег, снова ночь, и опять утро, и опять мое путешествие. Лавра с своим пением, с своею святынею во всем своем величии стоит в моем воображении. Вот огромный лес, лесные птицы просто задерживают мой ход. Я каждую певчую птичку хочу видеть. Вот во множественном количестве соловьи отбивают свои сладкие трели, вот иволга свистит, вот красивый угод кукует, вот кукушка возвещает, кому сколько жить, вот дятел кричит, а вот говорунчик и пеночки друг перед другом соперничают в своем лепетании, вот здесь птичка сверчок беспрерывно сверчит, а вот лесные жаворонки нежно и серебристо поют. Малороссия богата певучими птицами. Здесь только мало скворцов, голубей и галок. Ах, как торжественно здесь поют птицы! В эти дни у меня сильно стала появляться вера во Христа. Я чувствовал, что Христос всего меня объемлет Собою. Восторг, радость, экстаз любви к Богу все чаще и чаще стали появляться во мне. Так проходили у меня день за днем. В это время вся природа для меня становилась живым храмом моего Триипостасного Бога. Я чувствовал во всех явлениях природы как бы присутствие моего Господа Христа. Были дни, когда от огромной радости, от пламенной любви к Богу совершенно прекращалось во мне всякое желание есть и пить. Однажды я шел лесом и увидел дикую козу с козленком. Я вдруг почувствовал, что ноги мои от восторга, от какой-то мистической радости стали подкашиваться, слезы брызнули из глаз, я уже дальше не мог идти, я еле свернул с дороги, пал на колени и начал молиться Богу. Здесь на молитве я простоял несколько часов. После этого я почувствовал в себе одичание к людям. Я начал ночевать уже в поле. Были и такие ночи, когда я, впериwв очи в небо, всю ночь созерцал небесную красоту бесчисленных звезд. Один раз я пришел в какое-то местечко, вдруг я встретился с местной полицией. Я оробел. Пристав спросил меня, кто я и откуда, и потребовал от меня мой вид. Прочитав его и узнав, куда я иду, он так и покатился со смеха! Затем взял меня к себе на квартиру, напоил меня чаем и дал двадцать копеек, и я пошел дальше. Идя от пристава, я

вдруг почувствовал в душе своей острую печаль по своим родителям, но, к моему счастью, она скоро исчезла во мне, а на смену ей я сейчас же стал переполняться прежним вдохновенным радостным настроением. И вот чем ближе я подходил к Одессе, тем больше и больше стал в себе чувствовать молитвенный жар. Тут я не раз сам себе говорил: «О, какое великое дело ради Бога странствовать!» Но вот показался и сам город Одесса. А вот и море! Увидавши море, я от радости затрепетал. «О, Господи, — воскликнул я, — Ты все можешь, проводи меня на Афон!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.